

А. И. ЮРЧЕНКО

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ: ПОТЕРЯННОЕ И ВОЗВРАЩЁННОЕ ИМЯ

DULCE EST DESIPERE IN LOCO.

Hor. Od. 4.12.28

РАЗЫСКАНИЕ ИСТИНЫ
ПОРОЮ СПОСОБНО ИЗРЯДНО ПОЗАБАВИТЬ.

Вернон Говард

НЕМАЛОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ДОСТАВЛЯЕТ МНЕ УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ,
ЧТО ТРУД МОЙ ВРЯД ЛИ МОЖЕТ БЫТЬ ПОДВЕРГНУТ КРИТИКЕ.
В САМОМ ДЕЛЕ, КАКИЕ ЕЩЁ ВОЗРАЖЕНИЯ МОЖНО ПРЕДЪЯВИТЬ ПИСАТЕЛЮ,
КОТОРЫЙ ИЗЛАГАЕТ ОДНИ ТОЛЬКО ГОЛЫЕ ФАКТЫ,
БУКВАЛЬНО НИ ДЛЯ КОГО НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ НИ МАЛЕЙШЕГО ИНТЕРЕСА
НИ В КАКОМ АБСОЛЮТНО ОТНОШЕНИИ?

Гулливёр

ИНФАНТИАДА, ИЛИ ДЕТСКИЕ ИГРЫ В ЛАБИРИНТАХ ЛЮБОМУДРИЯ

I. КУНСТКАМЕРА КУРЬЁЗОВ

Существуют только ошибки.

Аксиома Робертса

ПРЕДВАРЕНИЯ

Что для одного ошибка,
для другого – и с х о д н ы е .

Следствие Бермана из аксиомы Робертса

Некогда великий *Лейбниц* (1646–1716), предваряя изложение «Начал философии» *Декарта* (1596–1650), транслировал заглавие первого раздела части первой трактата так: «*Ищущий истину должен хотя бы раз в жизни усомниться, насколько это возможно, во всём*». ¹ В предельно категоричной и безапелляционной форме данный тезис и получил конечное выражение в приведённой выше аксиоме *Робертса*: «*Существуют только ошибки*». И это, естественно, ещё не сами курьёзы. Это лишь предварение и предоснование последующей вереницы таковых.

Во всём же усомниться возможно не прежде, чем *начав* сомневаться. Не с тем, однако, чтобы возвести сие в бесплодную и разрушительную самоцель, – по словам префекта и профессора Киево–Могилянской академии середины XVIII века иеромонаха *Георгия Щербацкого*, – «*подобно академикам и скептикам*», но «с тем, чтобы когда–нибудь развеять все сомнения», отделив «истинное и достоверное от ложного и сомнительного», то есть начав «*сомневаться с пользой*». ² По всей вероятности, именно это и

имел в виду бессмертный *Данте* (1265–1321), изрекая: «*Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание*». ³

МЫ МНОГОМУ ВЕРИМ БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, И ЭТО ЕСТЕСТВЕННО,
НО МЫ СОМНЕВАЕМСЯ ВО МНОГОМ, ЧТО ДОКАЗАНО, И ЭТО ТОЖЕ ЕСТЕСТВЕННО.

Вовенарг

Начнём же с того, что усомнимся, например, *в адекватности* существующей ныне смысловой и референтной трактовки языковых реалий, *в контексте современной классификации частей речи* нарицаемых *именами прилагательными*. Последние, как это, полагаем, всем известно, без каких-либо сомнений и колебаний относятся теперь к *знакам качеств*. ⁴ Более того, даже в нормативных изданиях им *синонимически* сопоставляются, – в пределах, безусловного, возможного, – мотивированные ими же *соотносительные абстрактные субстантивные имена таковых*. ⁵

Кроме собственно *адъективов* в контексте некоторых лингвистических теорий к *разряду имён прилагательных* – вследствие *формальной* и, как то увидим далее, *семантической* близости к ним – наряду с иными лексемами – сопричисляются также и *причастия*. ⁶ Это, полагаем, вполне резонно и – кроме древней традиции – подтверждается также и существованием в языке такого явления, как *адъективация* последних. С другой же стороны, довольно часто и, видимо, на том же основании *прилагательные* древнегреческого, латинского, а также и других индоевропейских языков в переводе на русский передаются *партиципически* и наоборот.

Посему с учётом сказанного и в целях некоторой терминологической унификации и упрощения структуры текста нами в дальнейшем изложении в качестве фигуры замещения будет использоваться обобщающая двусоставная аббревиатура – *слипп*, представляющая собой сокращение выражения: *слово в форме современного имени прилагательного и/или причастия*. Отмеченная сложность применяемого сокращения вводится к тому же и во избежание необходимости постоянных деклараций о возможности и невозбранности отмеченной выше трансляционной лексической взаимозаменяемости *слиппов* той и другой категории.

В иллюстративном плане нами будут использоваться *главным образом* простейшие и наиболее употребительные первообразные, немотивированные *прилагательные* (*белое, синее, красное, мудрое, доброе, благое* и т. п.). Ибо в данном случае полагается вполне достаточным ограничить интенции лишь выявлением и демонстрацией парадигмы, без излишней, однако, конкретизации и детализации таковой в всех дальнейших её аспектах, чем – в добром устремлении – не без удовлетворения, чаем, и не без пользы смогут заняться более изошрённые в сем благом делании.

В контексте же анализа речи по преимуществу будет употребляться простейшая опять–таки и, по–видимому, древнейшая, а теперь уже ставшая *стандартной* форма субъект–предикатного высказывания со связкой (копулой) «*есть*» (*S есть P*) или даже и вовсе без неё.⁷ Ибо, по мнению многих, «*обращение к элементарной логико–синтаксической структуре*», – упрощая аналитическую процедуру, делая таковую более отчётливой и прозрачной и способствуя к тому же обеспечению её точности, – предоставляет исследователю благоприятную возможность со сравнительной лёгкостью «*объяснить целую серию явлений, относящихся к природе языкового знака, грамматике и семантике, аксиологии и поэтике*».⁸

Что же касается лексикона вообще, то в нашем случае преимущественно будет использоваться простейшая и всем знакомая терминологическая палитра, как это и подобает инфант–играм в лабиринтах любомудрия. Ибо, согласно *Лейбницу*, «*не существует вещей, которые не могут быть выражены в общеупотребительных словах*». К тому же одним «*из фундаментальных правил философского стиля*» (и вообще, добавим, *стиля научного*), его «*нормой и критерием должна быть*, – по утверждению учёного, – *максимальная краткость общеупотребительного или максимальной общеупотребительности краткого термина*». То же, что не отвечает этому требованию, – подчёркивается им, – «*не существует и должно быть торжественно отлучено от философии*»,⁹ применительно же к подлежащему рассмотрению предмету – *от философии языка*. И неким откликом *максимум Лейбница* звучат слова и нашего уважаемого коллеги современного немецкого богослова–бунтаря *Ганса Кюнга*: «*Всё, что вообще может быть сказано, может быть сказано на естественном языке*».

ПРОТИВУРЕЧЬЯ ЕСТЬ, И МНОГОЕ НЕ ДЕЛЬНО.

А. С. Грибоедов. Горе от ума

ГДЕ ЧИХНУТЬ ПРИШЛОСЬ – ЗАПЯТАЯ, ГДЕ ИКНУЛОСЬ – ДВОЕТОЧИЕ,
А ГДЕ ТАБАКУ ПОНИЮХАТЬ – ТОЧКА.

В. И. Даль. Пословицы русского народа

Чем же, вопросите, вызываются подобные дантовским сомнения? Как обыкновенно – осознанием неких имеющих быть и прозрением возможных ещё *аномалий*, иногда буквально как снег на голову обрушивающихся на ничего и не подозревающих ревнителей здравого смысла и просто любителей истины. Под таковыми *в лингвосфере* разумеем очевидные факты вопиющей *неадекватности* многих из разновременных, – порою древних, порою же и новых, – семантических и прагматических учёных спекуляций, касающихся статуса, смысла и функционирования *адъективов*, реальным явлениям живой языковой действительности. И сих более чем предостаточно.

В итоге многострадальное *имя прилагательное* в контексте бесчисленных исхищений и изощрений, – безусловно, при этом по существу оставаясь *самим собой*, – претерпевает в отношении себя всяческие – в основном *виртуальные* – экзерциции и экзекуции: *деклассируется, десемантизируется, деконцептуализируется*, ввергается в разряд *синкатегорем* и т. д. и т. п. А это, естественно, влечёт за собой многое множество самых фантазмагорических искажений в последующих – пока ещё тоже сугубо умозрительных – построениях: *в теории имени вообще и в частности*, в том числе (не говоря уже о теории самого по себе *имени прилагательного*) – *в теории имени существительного, имени числительного*, а также *причастия и местоимения, в теории предикации, теории предложения* и – в итоге – *в теории умозаключения* etc. Ибо, согласно прозорливому *Аристотелю*, «*даже небольшое отклонение от истины умножается в рассуждениях, отошедших (от неё), в дальнейшем тысячекратно*» (О небе, 5).¹⁰

Как гласит известная русская пословица, «*незная прямизна наводит на кривизну*». И ставшая уже традиционной своеобразная семантическая *прямизна (что слышится – то и пишется)* приводит, – пусть пока и главным образом лишь в теории, – к поражающей воображение *кривизне*, вернее – *к кривизнам*, кои уже в течение долгого времени не могут получить хотя бы какого–либо непротиворечивого объяснения со стороны учёнейших из учёных и мудрейших из мудрых. И поныне, в полном согласии с *Оруэллом*, *официальное учение изобилует противоречиями даже там, где в них нет никакой реальной нужды*. Хорошо ещё, что, по *Вовенаргу*, *человеческий разум ограничен даже в заблуждениях, хотя и считается, что его удел – заблуждаться*. Но подробно обо всём этом – далее...

РАЗВЕНЧАНИЕ ИМЕНИ

ИМЕНА НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ТАКОВЫ,
КАКИМИ ОНИ КАЖУТСЯ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД.

Марк Твен

ПРИЗНАЮСЬ, ОДНАКО, ЧТО УЧЕНИЕ ОБ ИМЕНАХ,
НАВЕРНОЕ, НЕМНОГО СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ Я КОГДА–ТО ПОЛАГАЛ.

Бертран Рассел

ЧТО ТАКОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ?
СУФФИКС ИЛИ ПРЕФИКС, ВЫНЕСЕННЫЕ В ОТДЕЛЬНОЕ СЛОВО.
СЛОВО – ПРИЗРАК, КОТОРОЕ [НЕ ТОЛЬКО ИМЕНЕМ,
НО] ДАЖЕ И ПРЕДИКАТОМ НАЗВАТЬ–ТО ТРУДНО ...

«*Русский журнал*»¹¹

Слип–проблема возникла, безусловно, не сегодня. Она существует, можно сказать, уже *более двух тысячелетий*, – по крайней мере – с эпохи

Аристотеля, – и к настоящему времени обрела характер прямо–таки гротесковый. Коснёмся для начала лишь некоторых из ключевых моментов в рассмотрении таковой, в значительной степени общих для всего широчайшего спектра разнообразнейших современных лингвистических и логических, – с позволения сказать, – концепций.

Не станем говорить о первобытном языке с *недифференцированным конкретным*, по *Потебне*, *лексическим массивом*. Но и позднее, – как это, полагаем, известно всем, – *слиппы*, долгое время вообще не имевшие *особого* обозначения, – вопреки тому, как то мы видим здесь и сейчас, – *ни семантически*, *ни* – даже – *синтаксически* отнюдь не выделялись в некую *самостоятельную часть речи*. В течение многих веков вместе с *различными* иными лексемами, – в том числе – и с получившими в современной классификации статус *существительных*, – они, имея *субстантивное* же значение, относились к единому *именному* разряду и совокупно назывались тогда *просто: имена* (*досократики, Сократ, Платон, Аристотель* и тысяче– и тысячелетняя последующая практика).¹²

По словам, в частности, академика *В. В. Виноградова*, «в античной грамматической традиции *существительные* и *прилагательные* подводились под *одну категорию имени*. И в современных языках они часто меняются ролями».¹³

В приписываемом же *Стагириту* небольшом, но оказавшем огромное влияние на развитие общечеловеческого мышления трактате «Категории», – быть может, впервые, – мы встречаемся со своеобразной таксономической квалификацией *слиппов*, основанной на *фактически* отнюдь не корректной, но *методологически* весьма удобной *этимологии*, назовём которую *технической*. И *имена* в форме нынешних *адъективов*, означающие *предметы, вещи* и *лица*, как *производные* от других *имён*, собственно *имён качеств*, – согласно современной классификации – *абстрактных существительных*, – нарицаются здесь *паронимами*, *παρόνυμα*, в русском эквиваленте – *отыменными*.¹⁴ Позднейшая латинская калька греческого *паронима* – *деноминатив*, *denominativum*, по всей вероятности, восходит к *Марию Викторину*, первому переводчику «Категорий» на западное наречие, или же, быть может, к римскому грамматiku *Элию Донату* (оба – IV в.), занимавшемуся подобными трансляциями. По крайней мере уже *Присциан* в многочастной «Грамматике» и его современник *Бозций* (V–VI вв.) пользуются термином достаточно активно и широко, последний же в комментариях к «Категориям» – особенно назидательно. Весьма выразительное, можно сказать, хрестоматийное–таки изъяснение (к сожалению, не совсем адекватное), видимо, современной ему соответствующей словоприменительной практики

находим в диалоге *Ансельма Кентерберийского* (1033–1109) «О грамотном. Каким образом (*деноминатив*) «грамотный» есть субстанция и качество».

Концептуальное употребление данного термина продолжается, пожалуй, вплоть до *Оккама* (1281–1349), с коим, по мнению *Ч. Пирса*, схоластика сходит на нет.¹⁵ Последний во многих своих прозрениях в интересующем нас плане безусловно корректен и поучителен.

Применительно к случаю можно отметить и позднейшее обращение к связанной с термином боэцианской концепции так называемой *деноминативной, отыменной предикации* (*Чарлз Сандерс Пирс* (1839–1914)¹⁶ и его эпигоны в Лингвистическом энциклопедическом словаре, подготовленном к публикации научным коллективом Института языкознания РАН уже в 1990 году¹⁷). Однако, отметим, данная концепция, верная по замыслу, в методологическом и – соответственно – терминологическом аспекте восходит к *неадекватной*, – названной выше *технической*, – этимологии «Категорий», воспринятой в последующем и схоластикой. И это необходимо должно было быть оговорено. Но прежде нужно было сие понять...

Как свидетельствуют сохранившиеся памятники позднейшей эпохи, более детально заниматься *слипнами* античные грамматики начали, по-видимому, уже лишь во II веке до н. э. Здесь могут быть названы, в частности, такие представители александрийской школы, как *Аристарх Самофракийский* (215–145 гг. до н. э.), *Дионисий Фракийский* (170–90 гг. до н. э.) и другие. При этом некий особый интерес стал проявляться прежде к *причастиям*, которые даже были выделены в самостоятельный класс, а затем уже и к *эпитетам*. *Эпитеты* (греч. ед. ч.: τὸ ὄνομα ἐπιθετικόν, τὸ ἐπίθετον) – именно так стали тогда именоваться – в числе прочих, отметим, лексем с подобной *синтаксической* функцией – и нынешние *имена прилагательные* (русская калька греческого и соответственно позднейшего калькированного латинского терминов). Латинская же калька греческого *эпитета* – *адъектив*, *adiectivum*, по всей вероятности, восходит к *Элию Донату*.¹⁸

Дионисий Фракийский – отнюдь, полагаем, не корректно – «в противовес стоикам считает *причастие* отдельной частью речи, но для его обозначения принимает стоический термин *μετοχή*».¹⁹ *Эпитеты* же у него, – в том числе – и *имена прилагательные*, – по-прежнему остаются в составе *общего именного разряда*.²⁰

Интересно отметить и следующее. *Аполлоний Дискол* (II в. н. э.), который также не выделяет *прилагательные* в отдельную часть речи, использует термины τὸ ὄνομα ἐπιθετικόν и τὸ ἐπίθετον и для обозначения *опре-*

деления как части предложения и части атрибутивной конструкции, то есть в контексте синтаксической связи лексем. По его словам, *определение* выражается не только *именами прилагательными*, но и «*именами–приложениями*, притяжательными местоимениями, причастиями, числительными». ²¹ Отсюда, собственно говоря, становятся очевидными *синтаксические* истоки происхождения термина *прилагательное*.

В «Грамматическом руководстве» *Элия Доната*, кое более тысячи лет служило «основным учебником латинского языка в Европе», ²² а с 1522 года в переводе *Дмитрия Толмача* – наряду с грамматическими компиляциями по древнегреческим источникам, одна из которых – «О восьми частях слова» (XIV в.), – получило широкое хождение на Руси, ²³ *прилагательные*, по вероятности, как уже говорилось, впервые обретшие латинизированное именование *адъективов*, ²⁴ «как и вообще в античности, в качестве самостоятельной части речи (также) не выделяются». ²⁵

«Главной причиной здесь, – замечают петербургские лингвисты, безоглядно устремившись в проторённую ошибочную колею, хотя у них был великолепный шанс исправить положение и спасти лингвистическую науку от порицаний, – было чрезвычайно большое морфологическое сходство *существительных* и *прилагательных* в латинском и греческом языках.

Важное значение имела также известная *семантическая близость существительных* и *прилагательных*, – ведь, с одной стороны, *предмет*, обозначаемый *существительным*, включает какую–то совокупность *признаков*, а с другой – *признак*, обозначаемый *прилагательным*, представлен не абстрактно, не сам по себе, а как *признак*, данный в каком–то предмете; эта семантическая близость ярко проявляется в том, что *прилагательные легко субстантивируются*, а *существительные* часто используются для характеристики предмета (*существительные* в функции *предиката, приложения, определения*)». ²⁶

Вопреки приведённому учёному мнению, заметим кстати, в ближайшее к *Донату* время знаменитый латинский грамматик *Присциан* в *Institutionum grammaticarum*, II. 58.20.24, причислял *адъективы* к другим *апеллятивам* (то есть *общим, нарицательным именам*), «которые обозначают *субстанции*», и в качестве примера атрибутивной конструкции приводил следующий: *sapiens grammaticus* (англ.: *wise grammaticus*).

«В данном случае, – адекватно констатируя, некорректно комментирует *П. В. Снейд*, – термин *grammaticus*, который *Аристотелем* приводится как один из примеров обозначения *качества*, назван *Присцианом* среди тех «*апеллятивов*», то есть *имён*, «естественно общих многому» (*Inst. gram.*, II.58.14.15), которые обозначают *субстанции*...». ²⁷

Не углубляясь в детали, ибо подробно об этом будет говориться далее, отметим лишь следующее. *П. В. Снейд*, поминая *Аристотеля*, имеет в виду трактат «Категории», который, по всей вероятности, авторству *Стагирита* вовсе и не принадлежит. При этом он полагает, будто в трактате, – а именно в главе IV, – «термин **grammaticus**... приводится как один из примеров обозначения *качества* (a quality)». В действительности же в данном случае мы имеем дело если не с позднейшей порчей латинского текста, то с ошибочной передачей *Боэцием* греческого термина «*ποιόν*» (*нечто качественное, окачествованное, обладающее качеством*) как «*qualitas*» (эквивалент «*ποιότης*», *качество*), тогда как здесь должно было бы быть «*quale*». Корректное же соотнесение латинских лексем с обретающимися в оригинале греческими наблюдается в переводе VIII – концептуальной – главы трактата. Но вкравшаяся в трансляцию – с виду будто бы незначительная – некорректность стала роковой в истории науки (в качестве иллюстрации могут служить, в частности, диалог *Ансельма Кентерберийского* «О грамотном» и ... настоящий комментарий *П. В. Снейда*). Ведь именно в латинском переводе «Категории» оказали огромное влияние на развитие общечеловеческой логической и философской мысли...

Впрочем, двинемся дальше, *адъективы* ещё долго не выделялись в некий особый класс. Таковое деяние обыкновенно приписывается младшему современнику *Петра Абеляра* и, быть может, его ученику тезоименному грамматик *Петру Гелию* (XII).²⁸ Последний, однако, от подобной чести активно отрекался.²⁹ Ведь в действительности он ничего подобного вовсе и не делал. И в этом отношении, по всей вероятности, не вполне корректно говорить, – как это, однако, наблюдается, – даже о вычленении якобы им в общем *к л а с с е имени п о д к л а с с о в имени существительного и имени прилагательного*.³⁰

Это, как мы уже видели, было сделано много ранее античными александрийскими мудрецами. Сему следовали и греческие и латинские грамматики и логики, а также и богословы позднейшего времени (сведём их вместе): *Аполлоний Дискол* (II в.), *Элий Донат* (IV в.), *Присциан* (V–VI вв.), *Боэций* (480–524), *Иоанн Дамаскин* († 749), *Ансельм Кентерберийский* (1033–1109), *Петр Абеляр* (1079–1142), *Фома Аквинат* (1225–1274), *Вильям Оккам* (1281–1349), *Лоренцо Валла* (1407–1457), *Томас Гоббс* (1588–1679), *грамматики и логики Пор-Рояля*, *Бенедикт Спиноза* (1632–1677), *Джон Локк* (1632–1704), *Лейбниц* (1646–1716), *Д. С. Милль* (1806–1873)...

СПИНОЗА – ФИЛОСОФ ИМЕНИ

Весьма выразительна в данном аспекте позиция *Бенедикта (Баруха) Спинозы* (1632–1677).

По словам академика РАН *Ю. С. Степанова*,³¹ «в некотором отношении *Спиноза* предстаёт в своём труде [«Compendium grammatices linguae hebraeae» – «Очерк грамматики еврейского языка»] как «*философ имени*» и даже доводит постулат этой философии до крайности, рассматривая все части речи (кроме междометий и союзов) *как имена*... В главе V «Об имени» он пишет: «В латинском языке речь делят на восемь частей, но применительно к еврейскому в этом можно усомниться. В самом деле, если исключить междометия, союзы и одну или две частицы, все слова еврейского языка имеют значение и свойства *имени*».

Однако далее *Ю. С. Степанов* декларирует: «Но уже определение имени у *Спинозы* весьма своеобразно».

И это понятно, поскольку в настоящее время в лингвистике и логике возобладало *деформированное* сравнительно с традиционным – по крайней мере в европейском контексте – понятие «*имя*». «*Имя*, – пишет, в частности, сам *Ю. С. Степанов*, – слово, реже сочетание слов, называющее, именуемое вещь или человека».³² Как видим, под приведённую дефиницию не подходят даже *абстрактные имена существительные*. Определение же голландского шлифовщика стёкол в этом плане достаточно приемлемо и корректно – за исключением лишь некоторых позиций в перечне подклассов, составляющих единый *именной разряд*. И оно таково: «Под *именем* я разумею слово, которым мы означиваем или указываем что-либо, подпадающее под наше понимание. А поскольку под наше понимание подпадают или вещи, их атрибуты, их модусы и их отношения, или действия, а также их модусы и их отношения, то нетрудно собрать виды имён ... Есть шесть видов *имён*: 1) *имя существительное*, разделяемое на *имя собственное* и *имя нарицательное*, 2) (*имя*) *прилагательное*, 3) *релятив*, или *предлог*, 4) *причастие*, 5) *инфинитив*, 6) *наречие*. Следует добавить также *местоимение*, которое замещает *имя существительное*».³³

Вряд ли, полагаем, кто-либо из *традиционных* грамматиков и логиков разных времён и народов от *Платона* и *Аристотеля* и вплоть до наших дней отверг бы приведённую дефиницию *имени*. Разве что некие из них бы исключили из рассмотрения лишь отдельные пункты из перечня «*видов имён*». И это стоит того, чтобы над сим призадуматься. Тем более, что, – как утверждает специалисты, – «проблема, касающаяся сущности частей речи и принципов их выделения» вообще и «в различных языках мира» по-прежнему рассматривается как «одна из наиболее дискуссионных проблем общего языкознания».³⁴ И эта проблема отнюдь не будет снята, пока прежде не будет адекватно разрешена проблема семантики элементов той или иной лексической группы.

Ю. С. Степанов же далее пишет: «Обнаружив (или считая, что он обнаружил) в еврейском языке особое качество слов – их *именной характер*, возможность трактовать их все *как имена*, Спиноза воспользовался этим для далеко идущей реформы грамматики: для снятия исключений. «Так как грамматисты не поняли этого свойства еврейского языка, они сочли исключениями из правил множество вполне регулярных положений грамматики». Описание грамматики как вполне правильной системы, системы без исключений, *Спиноза* считает основной задачей своего очерка». ³⁵

И затем автор задаётся вопросом, позитивное решение коего должно автоматически снять все его преждевременные сомнения и укоры в адрес компетенции и прозорливости философа–грамматиста по крайней мере в сфере иврита. И положительный ответ дан! Хотя и не безусловный.

Приведём его: «Интересен, конечно, вопрос: в какой степени мнение *Спинозы* об *именном характере* слов еврейского языка обосновано лингвистически? *В известной мере обосновано*. Действительно, в семитских языках корень слова – носитель вещественного значения – составляют обычно три согласных (редко два), а вхождения и исключения гласных соответствуют изменениям грамматических значений, трактуемых у *Спинозы* как *атрибуты субстанций*». ³⁶

Вполне возможно, что кое–что в концепции *Спинозы* и зависело от количества согласных в корне *семитских* слов. Но это был человек и философ также и *европейской* традиции. И он смог увидеть то, что оставалось и, похоже, едва не навсегда осталось закрытым для творцов бесконечных искусственных и бессмысленных исключений и создателей витиеватых и замысловатых примышлений и оговорок в вопросах, в которых они и не пытаются разобраться, будучи зашорены в слепом очаровании мифотворчеством своих предтеч по ремеслу и отвращаясь от живого и плодотворного контакта с самой огромной и мудрой языковой реальностью.

ИМЕННОЙ КОЛОКОЛ САНКТ–ПЕТЕРБУРГА

В качестве некоторой параллели сказанному отразим *новейшие* веяния в отечественной лингвистике. И коснёмся, в частности, позиции проф. *М. В. Никитина* (РГПУ имени *А. И. Герцена*, Санкт–Петербург).

Последний, напомним, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2000 года № 627 «за создание учебного пособия «Курс лингвистической семантики» для высших учебных заведений» ³⁷ удостоен присуждения премии Правительства Российской Федерации в области образования за 1999 год.

Так вот, в другой своей – изданной позднее – книге под заглавием «Основы лингвистической теории значения» (М., 1998. – Главы I. 2, III. 2) **М. В. Никитин** выдвинул и реализовал грандиозное предложение, корнями уходящее в глубокую архаику, «обозначать все полнозначные слова, а также подчинительные словосочетания родовым термином «**имена**».

«Такое терминопотребление, – замечает автор далее, – удобно, хотя и значительно расширяет лингвистическую традицию, исключавшую из имён *глаголы* и *наречия*, а также словосочетания (но включавшую в число имён *такие предикатные слова, как прилагательные и числительные*)... **Имена**, таким образом, – все полнозначные слова, включая – наряду с *существительными, прилагательными, местоимениями и числительными* – также и *глаголы* и *наречия* ... Наряду с отдельными полнозначными словами **именами** будем называть также и словосочетания, имеющие в качестве главного то или иное полнозначное слово. Тем самым, *Наполеон, император, известный, он, его, один, первый, победитель, давно* – **имена**, равно как и *первый император Франции, победитель под Аустерлицем, побеждённый Кутузовым в России* и т. п.».

И далее профессор и лауреат **М. В. Никитин**, в частности, пишет: «В силу относительности категорий вещи и признака **имена** распадаются на три ономаσιологических типа: 1) называющие только *вещи (имена собственные)*; 2) называющие только *признаки (прилагательные, кроме субстантивированных; глаголы, кроме инфинитивов, и др.)*; 3) называющие то *вещь*, то *признак (нарицательные существительные)*».

Не предпринимая розыска в последнем перечне куда-то вдруг исчезнувших нескольких типов полнозначных *слов-имён* (и в частности – *субстантивированных прилагательных, инфинитивов* и упомянутых выше *наречий*) и вообще оставляя анализ концепции **М. В. Никитина** на усмотрение зубров от лингвистики и логики, которые, по всей вероятности, к ней ещё не успели внимательно присмотреться, возвратимся несколько назад, к отечественной истории.

И здесь можно отметить следующее. Не говоря уже о выше упомянутых компиляции «*О восьми частях слова*» (XIV в.) и грамматике **Доната** (1522),³⁸ – *слиппы* вместе с другими **именами** сводились в один *именной класс*, – и это, полагаем, является отнюдь не мало важным фактом, – в «Российской грамматике» **М. В. Ломоносова** (1755).

Великий учёный по традиции выделял восемь *частей речи* (в его время всё ещё бытовал термин «*части слова*»,³⁹ который в XIX веке был заменён привычным для нас). «...слово человеческое, – писал он, – имеет осмь частей знаменательных: 1) *имя* для названия вещей; 2) *местоимение*

.....

для сокращения именований; 3) *глагол* для названия деяний; 4) *причастие* для сокращения соединением имени и глагола в одно предложение; 5) *наречие* для краткого изображения обстоятельств; 6) *предлог* для показания принадлежности обстоятельств к вещам и деяниям; 7) *союз* для изображения взаимности наших понятий; 8) *междуметие* для краткого изъяснения движений духа» (§ 46).

Единый *именной класс*, элементы которого, по словам *М. В. Ломоносова*, служат, заметим, «для названия вещей», традиционно включал в себя и *имена существительные*, и *имена прилагательные*, из коих последние, однако, трактуются автором, скажем так, не совсем корректно.

«Воображение *вещей*, – согласно гениальному холмогорцу, – приводит в ум наш купно их *качества*. *Вещи к качествам* не присоединены необходимо, *качества без вещи* самой быть не могут. Итак, *имена, значащие вещь самую*, называются *существительные*, например, *огонь, вода*; *значащие качество* именуются *прилагательные*: *великий, святой, быстрая, чистая*» (§ 50).

Что же касается *причастий*, то последние, хотя–таки и «за особливую *часть слова* почитаемые», всё–таки относятся к так называемым *отглагольным* (или просто *глагольным*) *именам*. По словам русского грамматиста, «сии *глагольные имена* служат к сокращению человеческого слова, ... соединением *имени* и *глагола* в одно предложение, ... заключая в себе *имени* и *глагола* силу» (§ 44, 46).

То же можно наблюдать и в «Начертании всеобщей грамматики», входившей в качестве второй части в состав «Курса философии для гимназий Российской империи» (СПб., 1812) коллежского советника и кавалера *Людвига Генриха Якоба*. По словам автора, «сказуемые подлежащих называются *прилагательными именами*, поелику они прилагаются к *существительному имени* для пояснения, или полнейшего определения и способствуют к составлению *части имени*» (§ 75).

Заметим, кстати: *прилагательное имя* в атрибутивной конструкции выступает как *значимая часть составного имени*, другую *часть* которого составляет, естественно, *существительное имя*.

Аналогичная позиция получила отражение и в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» *И. И. Давыдова* (СПб., 1852).

Собственно, в отечественной русистике, даже будучи обособлены от *существительных*, *прилагательные* в принципе и до сих пор, по крайней мере – формально, называются *именами*. В этом всех и кого угодно могут

убедить, например, и упомянутый выше двухтомный академический опус – ныне также и в электронной версии – «Русская грамматика» (Т. I–II. – М., 1980), и энциклопедия «Русский язык» (2–е изд. – М., 1997). Соответствующая статья в последней, правда, называется всё же «*Прилагательное*».

Привлекает внимание позиция *А. А. Реформатского*. В неоднократно переиздававшемся «Введении в языкознание» (5–е изд. – 1996) автор, в частности, писал: «*Имя* (или *именные* части речи, как *существительное* и *прилагательное*, но отнюдь не *числительное*, *местоимение*⁴⁰ и в особенности *междометие*, которые к *именам* никак не относятся) имеет грамматически совершенно (особую) характеристику: его *общее грамматическое значение*, конечно, «*предметность*».⁴¹

В данном случае, как видим, – не говоря о прочем, – *субстантивы* и *адъективы* традиционно включаются в состав *единого класса* и называются *именами, именными* частями речи *с общим грамматическим значением «предметности»*. Однако, обращаясь к примерам, *А. А. Реформатский*, к великому удивлению, – делая это, вероятно, не спроста, – оперирует одними лишь *именами существительными*, правда, отметим, *конкретными* и *абстрактными*. Но ведь его категоричная декларация: «...*общее грамматическое значение (имени), конечно, «предметность»*, – согласно требованию контекстуальной герменевтики, – без сомнения должна относиться также и к означенным прежде *именам прилагательным*. Быть может, даже вопреки его собственной воле, ибо *адъективы*, отметим, автор безусловно трактует как *знаки* и, естественно, как *имена качеств*.⁴² Несколько же выше он проводит даже – без объяснения, однако, – некоторое различие между *отвлечённой предметностью* (например: *краснота*) и *качеством* (например: *красный*).⁴³

«...но это не значит, – продолжает, однако, *А. А. Реформатский*, – что *существительные* только «*названия вещей*» или «*предметов*»; наоборот, преодолевая всё разнообразие «*вещей, существ, явлений*», *существительные* представляют в грамматике любое *явление, действие, качество* как «*предметность*»...

Общее грамматическое значение *имени*, – следует далее, – определяется как «*предметность*», под которую подходят и «*вещи*», и «*желания*», и «*чувства*», и многое другое. Когда в грамматике говорят, что *существительное* обозначает «*предмет*», не надо думать, что это обязательно нечто протяжённое и осязаемое, *существительным* может быть и обозначение *определённого качества*, и обозначение *определённого действия* и т. д. (ср.: *терпимость, беготня, украшательство* и т. п.)».⁴⁴

К великому сожалению, со стороны *А. А. Реформатского* проблематика *имени прилагательного*, у которого – *как имени* – исчезло вдруг «*общее грамматическое значение предметности*», не получила столь же детального освещения. Но и то, что хотя бы имеется, даёт весьма основательную пищу для размышлений, по *Платонову*, «в обе стороны».

Как видим, в русистике реминисценции объективных идей, проявившихся ещё в глубокой древности, в настоящее время, хотя и в дозированном виде, но всё-таки встречаются. Но совсем не то, однако, наблюдается ныне в академической лингвистике и логике. Здесь уже *прилагательные* давно низвергнуты с *именного пьедестала*. И низвержение это началось, по-видимому, в преддверии нынешнего века.

Джон Стюарт Милль – последний из могикан?

Быть может, последним защитником *именного статуса адъективов* был *Д. С. Милль* (1806–1873). Его точку зрения по вопросу, изложенную в «Системе логики» (1843),⁴⁵ рассмотрим обстоятельнее, но без некоторых излишних деталей, к которым вернёмся позже.

Милль-младший знал о существовавшей уже в его время интенции причислять *прилагательные* к разряду *синкатегорематических* слов, кои «не суть *имена*» и «не выражают никаких вещей, о которых можно что-нибудь утверждать или отрицать», и потому «могут войти в предложение только в соединении с другими словами».

«Однако *прилагательное*, – парирует автор, – может одно быть как сказуемым предложения (например, когда мы говорим «*снег бел*»), так иногда даже и подлежащим... Часто говорят, – отмечает он, – что *прилагательное* употребляется таким образом вследствие некоторого *грамматического эллипсиса*, или *опущения*; «*снег бел*» значит *собственно* «*снег есть белый предмет*»... Грекам и римлянам правила их языков позволяли постоянно употреблять такой *эллипсис* как в сказуемом, так и в подлежащем предложения. В английском это, вообще говоря, не допускается; можно сказать «*земля круглая*»; но вместо «*круглое легко двигать*» (round is easily moved) следует сказать «*круглый предмет легко двигать*».

Впрочем, – заключает автор, – это различие скорее грамматическое, чем логическое; в сущности, нет никакой разницы по смыслу между (словами) *круглое* и *круглый предмет*, и только обычай заставляет нас употреблять в одном случае одно, в другом – другое выражение. *Поэтому мы будем, не обинуясь, говорить о прилагательных как об именах* – будь то на основании их собственного смысла, или же в качестве заместителей указанных нами выше сложных выражений».

Милль, далее, проводил разделение *имён* на «*конкретные (предметные)*» и «*абстрактные (отвлечённые)*». «...я разумею, – писал он, – под *отвлечённым* всегда **противоположное конкретному**: под *отвлечённым именем* – **название признака**, под *конкретным* – **название предмета**».

И *прилагательные* учёный относил к классу *конкретных имён*. По его словам, *конкретное имя белый* есть «**название вещи или, вернее, вещей**», тогда как *абстрактная «белизна* есть название **признака, качества или атрибута** этих вещей». «Точно так же (семантически различаются) слова *старый* и *старость*».

«Нам могут возразить по поводу нашего определения *отвлечённого имени*, – замечает *Милль*, – что *атрибуты* обозначаются не только теми *именами*, которые мы назвали *отвлечёнными*, но и *прилагательными*, отнесёнными у нас к названиям *конкретным*, что *белый*, например, это такое же название *цвета*, как и *белизна*. Но (как мы заметили выше) значением имени надо считать то, что под ним следует понимать тогда, когда мы его употребляем в его главном назначении – в виде сказуемого. Когда мы говорим: *снег бел, молоко бело, полотно бело*, мы хотим этим сказать не то, что *снег, полотно* или *молоко* суть *цвета*, а то, что это *вещи, имеющие некоторый цвет*. Например, слово *белизна* обозначает *не предмет*, а *цвет: белизна* есть *не снег*, а *цвет снега*. Поэтому *белизна* есть название только *цвета*; *белый* же означает *все вещи, имеющие этот цвет*, – *не самое качество белизны*, а именно – *каждый белый предмет*».

«Такое название, – продолжает *Милль* в аналитическом аспекте, – было дано всем этим *предметам*, конечно, вследствие некоторого их *качества*, и потому можно не без основания сказать, что это *качество* составляет *часть значения* слова *белый*; но слово может означать то (иначе говоря, быть *именем, названием* только того), к чему его можно отнести в качестве сказуемого».

Собственно, – замечает автор далее, – про все имена, «имеющие какое–либо значение, про все названия, приложение которых к единичному предмету даёт нам какое–либо сведение об этом предмете, можно сказать, что в них *содержится* некоторого рода *атрибут*. И тем не менее это не название *атрибутов*, – у тех есть свои особые, *отвлечённые имена*».

Милль проводит ещё одно разделение *имён*, относящееся к схоластической традиции и происхождением восходящее, – по крайней мере, концептуально – к концу XIII века (комментаторы *Суммул* Петра Испанского, будущего папы Римского *Иоанна XXI*), но в наше время уже не практи-

куемое: на так называемые *несоозначающие, неконнотирующие* и *соозначающие, коннотирующие*.

По его словам, «*несоозначающее (абсолютное) имя* есть то, которое обозначает или *только предмет*, или *только признак*. *Соозначающее же имя прямо* указывает *предмет*, а *косвенно* – *признак* этого предмета; причём под *предметом* здесь разумеется всё, что обладает признаками. Так, имена: *Джон, Лондон, Англия* обозначают *только предметы*; *белизна, длина, добродетель* обозначают (*только*) *признаки*. А потому ни одно из этих имён не будет *соозначающим*. Но *белый, длинный, добродетельный* – это *имена соозначающие*. Слово *белый*, например, (*прямо*) означает все *белые вещи*: *снег, бумагу, морскую пену* и т. п., и *косвенно* указывает – или, на языке схоластов, *соозначает* – *признак белизны*».

«Слово *белый*, – подчёркивает автор, – прилагается в качестве сказуемого *не к признаку, а к предметам*: к *снегу* и т. д.; но, конечно, прилагая его к ним, мы разумеем и то, что этим *вещам* принадлежит *признак белизны*. То же самое и с другими словами: *добродетельный*, например, есть название того *класса людей*, который включает в себе *Сократа, Говарда* и неопределённое множество других личностей в настоящем, прошедшем и будущем. Только к этим личностям можно без риска ошибки прилагать это название; только для них оно будет настоящим *именем*. Но ко всем к ним оно прилагается на основании некоторого предполагаемого общим для всех них *свойства*, называемого *добродетелью*. Это название (*добродетельный*) приложимо ко всем существам, которые, по общему мнению, обладают этим свойством (*добродетелью*), и не приложимо ни к одному из тех, которые им не обладают».

Итак, согласно *Д. С. Миллю*, *адъективы* – это натуральные *имена*, безо всяких изъятий, притом *имена конкретные*, обозначающие *предметы, вещи, субстанции*, в противоположность *именам отвлечённым*, обозначающим *признаки, качества, свойства*. Как *имена соозначающие*, они *прямо означают*, – то есть *сигнифицируют* и *денотируют*, – *предметы*, а *косвенно* – указывают, или – «на языке схоластов» – *соозначают признаки* этих предметов.

Однако вскоре после *Милля* некоторыми – главным образом – *арифметиками* и *математиками* (*Ч. С. Пирс, Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап* и прочие) – наши многострадальные лексемы, ещё в недавнем прошлом – однозначные *имена*, по недоразумению стали переводиться в разряд неких *предикатов* и даже, естественно, *функций*. И в конечном итоге они получили именованья *предикатов качества, семантических предикатов, предик-*

катных знаков, предикатных слов, предикаторов, признаков или, более того, *призначных слов*.⁴⁶ Если иногда их и называют *именами*, то лишь *именами признаков*.⁴⁷

«Современные общеевропейские списки частей речи, – по словам *Ю. С. Степанова*, – ближе всего к списку *Присциана*, с тем лишь существенным отличием, что из «*nomen*», *имени*, выделено ещё «*adiectivum*», *прилагательное*».⁴⁸

Современные лингвисты даже видят «*объективное, внеязыковое основание различения «имён» и «предикатов» («признаков», «отношений»*), помещая *прилагательные*, понятно, среди последних, ибо «*имя обозначает вещь, тогда как ... предикат – признак или отношение*». «*Внутриязыковым (же) основанием, – по их мнению, – является то, что только имя стоит в таком отношении к внеязыковому объекту, которое является отношением именованя*». Что же касается, однако, предикатных, «*призначных*» слов, «*имён признаков*», в частности – *прилагательных*, то их отношения «*к внеязыковым объектам подобны отношениям имени к вещи, но объекты здесь не являются вещами*».⁴⁹

Не обошлось тут, правда, и без отдельных вспышек открытого протеста против творимого энтузиастами в столь subtilных научных сферах беспредела и беззакония. И ещё в 60–е годы XX века известный польский логик *Тадеуш Котарбиньский* сердился и возмущался: «*Порою слышатся предложения, чтобы слово «имя» сохранить только для имён собственных, предикатные же термины называть предикатами*».⁵⁰

Но это был уже глас вопиющего в пустыне: *прилагательное как имя* оказалось окончательно и бесповоротно *развенчанным*.

¹ *Лейбниц*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 3. – М.: «Мысль», 1984. – С. 165.

По крайней мере в русском переводе данный тезис получил именно такое выражение за исключением инкорпорированных в него с целью усиления экспрессии слов «*хотя бы*».

² *Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево–Могилянской академии. – Киев, 1982. – С. 310.

³ Слово о науке. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. – Составитель, автор предисловия и введений к главам *Е. С. Лихтенштейн*. – М.: «Знание», 1976. – С. 172.

Впрочем, данное высказывание атрибутируется иногда и *Мишелю Монтеню* (1533–1592).

⁴ В целях упрощения проблемы ссылочной аргументации обратимся непосредственно к дефинициям и дескрипциям *online*–версии «Русской грамматики», грамматики, полагаем, теперь уже XXI века и, пожалуй, III тысячелетия, ибо в ближайшей перспективе вряд ли можно ожидать появления чего–либо иного, столь же грандиозного по замыслу. По всей вероятности, это электронный вариант двухтомного академического опуса 1980 го-

да. Однако каких-либо отсылок к данному печатному изданию интернет-сайту обнаружить отнюдь не удалось. Обширнейший свод нормативных рекомендаций и научных описаний, созданный сотрудниками Института русского языка имени **В. В. Виноградова** Российской Академии наук, в сети помещён совсем недавно, по всей вероятности, как это удалось выяснить с помощью поисковых систем, в сентябре 2002 года: Русская грамматика. – Электронное издание. – Институт русского языка имени **В. В. Виноградова** Российской Академии наук. – *Online*: <http://rusgram.narod.ru/index.html>; <http://az.don.sitek.net/lang/ru/ibooks/lib/gram/index1.html>.

И здесь, в соответствующем разделе, обнаруживаем следующую ставшую уже традиционной декларацию: «*Имя прилагательное* – это часть речи, обозначающая *непроцессуальный признак предмета* и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» (§ 1294).

⁵ В той же «Русской грамматике», несколько прежде, указана и смысловая лексическая, по **Л. Блумфилду**, «*параллель*» *адъективу: соотносительное производное, мотивированное им абстрактное субстантивное имя того же «непроцессуального признака предмета»*. «В паре «*прилагательное – существительное, обозначающее тот же признак*» (*белый – белизна ... красный – краснота, синий – синь*)», – говорится здесь, – значение одного из сопоставленных однокоренных слов, связанных отношением словообразовательной мотивации, «*тождественно* значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи» (§ 191, 192), то есть, скажем иначе, *синонимично* ему.

В данном случае, естественно, «*мотивированным* признаётся *существительное*», поскольку, как здесь утверждается со ссылкой на § 1111, *значение признака* является *общим значением «прилагательного, но не существительного»* (§ 192). Но одновременно с этим, – и сие мы видели только что, – последнее трактуется как «*обозначающее тот же признак*». Примем это к сведению и дальнейшему размышлению.

⁶ По свидетельству **В. А. Плотниковой (Робинсон)**, автора статьи «*Прилагательное*» в энциклопедии «Русский язык», в аспекте современной частеречной классификации *причастия*, будучи – наряду с *порядковыми именами числительными* и *местоименно-указательными словами* – подобными *именам прилагательным* «по характеру склонения, падежным флексиям и синтаксическим функциям», а также, добавим, – в случае корректной трактовки – и в *семантическом* плане, некоторыми лингвистами включаются *в состав общего класса адъективов*. Названные лексемы в их совокупностях рассматриваются «как *гибридные глагольно-прилагательные формы (причастия)*», «как особый разряд *относительных прилагательных (порядковые числительные)*» или «как замкнутая группа особых *местоимений-прилагательных*». – Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1997. – Статья «Прилагательное». – С. 378.

А. А. Потебня (1835–1891) говорил о возможности с его стороны в случае необходимости «остаться при прежнем определении *причастия* как вида *прилагательного* с глагольным оттенком». – **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. – Т. III: Об изменении значения и заменах существительного. – М.: «Просвещение», 1968. – С. 82.

В качестве некоторого выразительного прецедента в данном аспекте приведём точку зрения *авторов Грамматики Пор-Рояля* (1660).

Последние, в частности, писали: «Ведь очевидно, что *причастия* являются подлинными *именами*...»; «*Причастия* есть не что иное, как подлинные *имена прилагательные*...»; «...*причастия* – это *имена адъективные (прилагательные)*». – [**Арно Антуан** и **Лансло Клод**.] Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, содержащая основы искусства ре-

чи, изложенные простым и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания о французском языке, написанная *Антуаном Арно* и *Клодом Лансло*. С приложением заметок академика *Шарля Дюкло* (на обложке и далее в ссылках: Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля). – Перевод с французского, комментарии и послесловие д-ра филологических наук *Н. Ю. Бокадоровой*. – Общая редакция и вступительная статья члена-корреспондента АН СССР *Ю. С. Степанова*. – 2-е изд. – М.: «Прогресс», 1998 (1-е изд. – 1990). – С. 153, 154, 181.

Ср.: Лингвистический энциклопедический словарь (далее – ЛЭС). – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Причастие». – С. 399.

По словам автора настоящей статьи *Н. А. Козинцевой*, «среди языковедов нет единого мнения о семантико-грамматическом статусе *причастия*. В русистике *причастие* рассматривалось как «смешанная часть речи» (*А. М. Пешковский*), как категория «гибридных глагольно-прилагательных форм» (*В. В. Виноградов*), как одна из форм словоизменительной транспозиции глагола; всё большее число языковедов относит *причастие* к формам глагола («Русская грамматика». – Т. 1–2. – М., 1980)»;

В электронной «Русской грамматике» *причастие* трактуется именно «как *атрибутивная форма глагола*, в которой совмещаются значения двух частей речи: *глагола* и *прилагательного*, то есть значения действия и собственно определительное» (§ 1577). Естественно, оно не выделяется в отдельную часть речи, коих насчитывается – таки *десять*: «1) *имя существительное*; 2) *местоимение-существительное*; 3) *имя прилагательное*; 4) *имя числительное*; 5) *наречие*; 6) *глагол*; 7) *предлог*; 8) *союз*; 9) *частицы*; 10) *междометия*» (§ 1116).

«В тех случаях, – цитируем далее, – когда *причастие* представляет действие как *признак, свойство* в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для развития у *причастий адъективных значений*, то есть значений, характерных для *отглагольных прилагательных* (см. § 784–786)» (§ 1578).

В примечании при этом подчёркивается: «Развитие у *причастий адъективных значений* не выводит их за пределы *глагольных форм*, не переводит их в *класс прилагательных*, поскольку эти *адъективные значения* сохраняют соотносительность с временными, видовыми, залоговыми значениями соответствующих *причастий*».

По словам академика *Л. В. Щербы* (1880–1944), «*причастия*, конечно, составляют резко обособленную группу, будучи подводимы и под категорию глаголов. Теряя глагольность, они становятся простыми *прилагательными*. *Учёное стихотворение* может быть употреблено в двойном смысле: 1) «содержащее в себе много научного» – *прилагательное* и 2) «которое уже учили» – *причастие*». – *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. – Русская речь. – Новая серия. – Выпуск 2. – 1928; *online*: <http://www.ruthenia.ru>.

В «Российской грамматике» *М. В. Ломоносова* (1755), напомним, *причастия*, хотя и «обще за особливую часть слова почитаемые», всё-таки относятся к так называемым *отглагольным* (или просто *глагольным*) *именам*. По словам великого русского учёного, «сии *глагольные имена* служат к сокращению человеческого слова, ... соединением *имени* и *глагола* в одно речение, ... заключая в себе *имени* и *глагола* силу» (§ 44, 46).

Имена же существительные и *имена прилагательные*, трактуя последние, скажем так, не совсем корректно, *М. В. Ломоносов* относит к единому *именному классу*, элементы коего, по его словам, служат, однако же, «*для названия вещей*» (§ 46). И далее он пишет: «Воображение *вещей* приводит в ум наш купно их *качества*. *Вещи к качествам* не соединены необходимо, *качества без вещи* самой быть не могут. Итак, имена, *значащие*

вещь самую, называются *существительные*, например, *огонь, вода; значащие качество* именуются *прилагательные*: *великий, святой, быстрая, чистая»* (§ 50).

⁷ По словам *Томаса Гоббса* (1588–1679), в предложениях стандартного типа *S есть P* «следует обращать внимание на три вещи: *два имени*, образующие *субъект* и *предикат*, и их соединение при помощи *связки*. *Имена* пробуждают в нас мысль *об одной и той же вещи*, *связка* напоминает нам, на каком основании эти *имена* даны (одной и той же) *вещи*».

Далее автор «Исчисления, или логики» замечает: «Существуют, однако, или по крайней мере могут существовать народы, которые не имеют слова, соответствующего нашему «*есть*», но тем не менее образуют предложения путём простой расстановки имён (говоря, следовательно, вместо *человек есть живое существо* только *человек – живое существо*), ибо порядок расстановки имён может достаточно ясно обозначить их связь. Годность же таких предложений для науки не уменьшается из-за отсутствия этого словечка. И из-за того, что у них нет слова «*есть*», они не становятся менее способными к философии». – *Гоббс Т.* Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: «Мысль», 1989. – С. 94.

С несомненностью можно предположить к тому же, как это, собственно, и делает *Вячеслав Иванов*, что «слова первобытной естественной речи прилепали одно к другому вплотную, как циклопические глыбы; возникновение (же) цементирующей их «связки» (сорула) кажется началом искусственной обработки слова». – *Иванов Вяч.* Собрание сочинений в четырёх томах. – Т. 2. – Брюссель, 1974. – С. 594; цит. по: *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. 452.

Ю. С. Степанов, как это явствует, в частности, из его статьи «Предикация», помещённой в ЛЭС, *древнейшими* считает именно «формы предикации без глагола, в виде двух соположенных *имён*, то есть (формы) так называемого *именного предложения*: др.–рус. «*Грех сладко, а человек падко*»; лат. *Varium et mutabile semper femina* – «*Изменчиво и непостоянно всегда женщина*», где предикация выражает вневременную, «сущностную» связь понятий... Исторически позднее в предложения (подобных) типов вводится глагол–связка «*быть*», при этом, как свидетельствуют древние языки, например, древнегреческий, в предложениях «сущности» этот глагол является безударным, энклитическим, а в предложениях «существования» – ударным». – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – С. 393.

Приведём высказывание о простейшей структуре человеческой мысли и речи известного русского физиолога и психолога *И. М. Сеченова* (1829–1905). По его словам, «у всех народов всех веков, всех племён и всех ступеней умственного развития словесный образ мысли в наипростейшем виде сводится на наше трёхчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника». – *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947. – С. 376; цит. по: *Формальная логика*. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. – С. 44.

⁸ *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. XII.

По проблеме необходимости *обращения* в аналитическом аспекте «к элементарной логико-синтаксической структуре» и *приведения* предложений или суждений (в данном случае не будем касаться различий между теми и другими) *к стандартной форме* выражения мысли, проблеме, общей для логики, или философии, языка и логики как таковой, см. также:

Войшвилло Е. К., Дегтярёв М. Г. Логика как часть теории познания и научной методологии. Фундаментальный курс. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики. – Книга II. – М., 1994. – С. 88, 92–93, 164.

Согласно авторам данного учебного пособия, «для достижения точности логического анализа» и «для устранения возможных двусмысленностей в понимании суждений, что особенно существенно при анализе выводов, важно приводить их именно к стандартным формам»;

«Нестандартность выражения суждения в естественном языке может состоять в том, что (в нём) не выявлены явным образом его субъект и предикат, а также и количественные характеристики. Приведение же к стандартной форме важно прежде всего в том отношении, что позволяет точным образом выразить и понять смысл того или иного высказывания»;

«Стандартизация той ли иной мысли вообще есть выявление её логической формы и представление её именно в этой форме, то есть в такой форме, когда выявлены все её составляющие и связь между ними, другими словами – отчётливо дана структура мысли»; «Наряду с тем, что стандартизация имеет существенное значение для выяснения смысла выражений языка (в данном случае – предложений) и для правильного понимания их, она необходима также для осуществления определённых операций со смысловым содержанием этих выражений, для обеспечения возможности установления точных правил этих операций»;

Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. – Перевод с английского **С. А. Котляревского** под редакцией **В. Н. Ивановского**. – 5-е изд. – М., 1905. – С. 75 и далее, 161 и далее.

Стандартную форму высказывания, приведение к которой, согласно точке зрения автора, необходимо для определения «совместимости или несовместимости скрытого содержания и взаимной зависимости предложений» и которую активно использовал в своей *силлогистике Аристотель*, **В. Минто** соответственно называет *силлогистической*. По его словам, стандартизация языковых конструкций – ко всему прочему – имеет «настоящее дисциплинирующее значение», она «изошряет пронизательность ума при истолковании как сложных, так и эллиптических выражений, коими изобилует обыденная речь». – Указ. соч. – С. 161, 82, 84.

В. Минто принадлежит высказывание: «*Логика Аристотеля не станет лишней до тех пор, пока слова будут вводить людей в заблуждение*». – Там же. – С. 19;

Гоббс Т. Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: «Мысль», 1989. – С. 100.

Согласно **Т. Гоббсу**, «поскольку каждое предложение может быть выражено различно и на самом деле получает различное выражение и поскольку мы вынуждены выражаться так, как это делает большинство, то те, кто изучает философию, должны остерегаться, как бы их не ввело в заблуждение различие выражений их учителей (doctores). Поэтому, наталкиваясь на неясное предложение, они должны свести его к простейшей категорической форме, чтобы связка «*есть*» была совершенно самостоятельна и *субъект* ясно отличался бы от *предиката*, которые в свою очередь должны быть строго отделены от *связки*... Если, следовательно, я хочу говорить о равнозначных предложениях, то должен прежде всего считать равнозначными все те предложения, которые могут быть сведены *к одному и тому же простому категорическому утверждению*»;

Пирс Ч. С. Элементы логики. Grammatica speculativa (фрагменты). – Семиотика. Антология. – Составление и общая редакция **Ю. С. Степанова**. – 2-е изд. – М.; Екатеринбург, 2001 (1-е изд. – 1983). – С. 183.

Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) в этом вопросе был крайне категоричен. По его словам, «логики всегда подчинялись обычаю рассматривать предложения только (или главным образом) после того, как они выражены в определённых стандартных, или *канониче-*

ских, формах. Рассматривать их точно в том виде, как они выражены в языке, ... значит превращать логику в филологическую, а не философскую дисциплину». (Теперь же, как видим, уже и филологи в широком аспекте свернули на эту стезю.) Но заканчивает он своё высказывание несколько пессимистично: «Однако на выбор *канонических* форм оказала влияние структура ограниченного класса языков, что, я полагаю, *свело философию с правильного пути*».

С правильного пути, отметим в свою очередь и удивим всех, философию (по *Пирсу*, непосредственно же – *логике*) свело отнюдь не это, не общепринятый *силлогистический* тип стандартизации высказываний *по Аристотелю*, но, в частности, некорректное – вопреки *Стагириту* – понимание *канона* «*S есть P*» с *адъективом, адъективным или адъективированным выражением в предикате*.

По словам, в частности, *В. Минто*, «в средневековых руководствах по логике была некоторая неясность относительно значения *P*; она внесла путаницу и в современный спор о значении сказуемого (предиката) в предложении».

У *Аристотеля* «*S* и *P* (за одним только исключением) суть *общие имена* и обозначают *классы*. *P* всегда обозначает *класс*, а *S* – всегда, кроме того случая, когда подлежащим является название отдельного (единичного) предмета. Но в силлогистическом анализе предложение, *подлежащее* в котором есть единичный термин, рассматривается как общеутвердительное».

«Так как *S* и *P* суть *общие имена*, то в логическом предложении слово «*есть*» имеет не то значение, как в обыкновенной речи, где оно иногда значит, что предмет вообще *существует*, а иногда является только связкой и входит в состав сложного сказуемого. В силлогистике «*есть*» значит «*содержится в*», а «*не есть*» – «*не содержится в*».

Тем самым, «термин *сказуемого* можно рассматривать как обозначение *класса*, в который *включается или из него исключается подлежащее*».

Хотя, как было подчёркнуто при этом, «истинный смысл учения *Аристотеля* заключается (отнюдь) не в том, что всякое утверждение есть *отнесение подлежащего к какому-нибудь классу*, (представляемому *сказуемым*), а в том, что на всякое утверждение следует, в целях логики, смотреть (именно) таким образом».

«И можно только пожалеть, – сокрушался автор, – что такое обозначение не удержалось в логике: (это) предотвратило бы много недоразумений». Но теперь многие логики, на словах «хотя и принимают *P* за *класс*, и признают *теорию распределения терминов* (и диаграммы *Эйлера*), следуют, однако, средневековому взгляду на *P* как на *выражение, равнозначащее прилагательному*; тогда, естественно, и глагол «*есть*» получает у них то значение, какое он имеет в сложном сказуемом обычной речи, то есть обозначает, что *предмету присущ известный признак* ... Вместе с тем и *самый смысл приложения сказуемого к подлежащему как включения в класс или исключения из него был позабыт*». – *Минто В.* Ук. соч. – С. 77–78, 79, 80, 163.

Вполне очевидно, что причину трагедии средневековой и современной формальной логики *В. Минто* видел как раз в том, что предикат *P* в суждении стал трактоваться как «*выражение, равнозначащее прилагательному*»! И это совершенно верно, если *прилагательное* при этом понимать как *знак качества*. Но именно такого понимания, как ни странно это звучит в свете сказанного, придерживался и сам автор, даже считавший *адъективы синкатегоремами*, и, пожалуй, вся современность с ним (как, собственно, и вся наша современность). – Там же. – С. 74, 79, 80, 81, 85, 86, 107 и др.

Адъективы, отметим кстати, к разряду *синкатегорематических слов* некоторыми лингвистами (*Х. С. Сёренсен, Н. Д. Арутюнова* и – явно или неявно – многими другими), как это ни парадоксально выглядит, относятся и в наше время.

Х. С. Сёренсен, в частности, в книге «The meaning of proper names with a definiens formula for proper names in modern English» (Copenhagen, 1963), – по свидетельству группы авторов из Института языкознания РАН, – предлагал «делить слова на *автокатегорематичные* и *синкатегорематичные* денотаторы, относя к первым собственные имена, конкретные существительные и *субстантивированные прилагательные*, а ко вторым – артикли, предлоги, *несубстантивированные прилагательные* и даже конкретные существительные, употреблённые без артикля и не соотнесённые с определённым предметом. Первые, – согласно сему представителю копенгагенской школы, – обозначают (денотируют) независимо от других знаков, вторые без помощи других знаков не денотируют». – *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология. Вопросы теории. – М.: «Наука», 1989. – С. 158–159.

Н. Д. Арутюнова, безапелляционно лишившая все вообще *слиппы*, – слова, якобы имеющие «только *непредметное (признаковое, характеризующее)* значение», – «*денотативного наполнения*» и рассматривающая их как «сами по себе не приспособленные к *денотации*» и «обладающие только *понятийным содержанием, сигнификатом*», в ряде случаев не против и того, чтобы устранить и это последнее препятствие к полнейшему *обесмысливанию* сих и причислению к *синкатегоремам*. – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. 4, 6 и другие; *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. – М., 2002 (1-е изд. – 1976). – С. 13.

Сам *В. Минто*, продолжим, **S** и **P** в высказывании рассматривал, естественно, лишь как *знаки «имён существительных или равнозначных им сочетаний слов»*. – Там же. – С. 81. – Ведь единственно *субстантивы* автор, собственно, и почитал *именами*. – Там же. – С. 52–53, 56–58, 74 прим. и др. – И поэтому, вполне понятно, он и противопоставлял их – *синкатегорематическим* к тому же – *адъективам*. – Там же. – С. 79, 81, 85.

А тут вдруг в качестве предиката **P** вырисовывается *прилагательное* или *нечто*, «*равнозначащее прилагательному!*»

В качестве иллюстрирующего примера с нескрываемым осуждением *В. Минто* приводит высказывание «**Omnis homo est mortalis**», которое стало весьма употребительным в логике и, как мы увидим далее, также и в лингвистике. В русском переводе предлагается такой эквивалент латыни: «*Все люди смертны*». – Там же. – С. 81; более точно, конечно, будет: «*Каждый человек смертен*».

Согласно мнению автора, это и подобные ему «выражения вовсе не представляют собой точных примеров логической формулы «все **S** суть **P**». (Ведь **P** – это *символ имён существительных* или *равнозначных им сочетаний слов*; «*смертный*» (же), напротив, *прилагательное*). – Там же.

Синкатегорематическое, незначащее прилагательное в «Логике» *Минто*, – как это ни покажется опять–таки странным, – всё–таки что–то означает, но означает оно, – «по смыслу данного (им) выше определения», – отнюдь *не предмет* и отнюдь «*не класс, а отдельный признак*». – Там же. – С. 85.

То же самое мы видим и в современном теоретизировании, за исключением разве что – да и то не всегда (этим, например, – кроме, естественно, самого *В. Минто*, – пробавлялись, как мы видели выше, *Х. С. Сёренсен*, *Н. Д. Арутюнова* и некоторые другие) – *синкатегорематизации адъектива*.

В случае же подобной, то есть *призначной* трактовки *слиппов*, как это повально практикуется ныне, в функции **S** и **P** в стандартном суждении оказываются *диспаратные, несравнимые, несопоставимые* термины–понятия. В результате суждение неизбежно становится *логически некорректным* и, как следствие, по существу – *бессмысленным*.

(Хотя, напомним, даже *очевидная бессмыслица формально, грамматически* может быть *корректно* сконструирована, как это отмечал ещё *Абеляр* (1079–1142), который, конечно же, даже не был знаком с *глокой кудрой* академика *Л. В. Щербы* (1880–1944).

«Замечу прежде всего, – декларирует по аналогичному поводу *Ч. Пирс*, – что предложение не перестаёт быть истинным из-за того, что оно не имеет смысла».

Аргументация автора такова: «Предложение ложно тогда, и только тогда, когда нечто, что оно или утверждает явным образом, или имплицитно, ложно; а всякое предложение, не являющееся ложным, истинно, согласно принципу исключённого третьего. Следовательно, нечто, не являющееся утверждением, но рассматриваемое, как утверждение, является истинным». – *Пирс Ч. С.* Элементы логики. *Grammatica speculativa* (фрагменты). – Семиотика. Антология. – Составление и общая редакция *Ю. С. Степанова*. – 2-е изд. – М.; Екатеринбург, 2001 (1-е изд. – 1983). – С. 190.)

Возвращаясь к прежде выдвинутому тезису, полагаем уместным напомнить слова опять-таки *Ч. Пирса*, высказанные им, безусловно, в несколько ином контексте: «В действительности бессмысленности так легко принимают форму категорических предложений, что языковой узус принял их и придал им значение». – Там же.

Более того, принятием *призначной* трактовки *слиппа* «за основу» необходимо и неизбежно имплицитно (но осознаётся ли абсурдность сего?), будто в пропозиции предикат *P*, якобы означающий *качество*, сказывается в отношении *носителя качества*, означаемого субъектом *S*, то есть в конечном итоге получается, что *часть*, данном случае – метафизическая, предиктируется в отношении *целого*.

В одном из своих докладов в Американской Академии искусств и наук только что упомянутый *Ч. Пирс*, демонстрируя, однако, очевидно некорректное понимание семантики *прилагательных*, изрек: «Предложение, кроме термина, означающего *субстанцию*, содержит и другой термин, означающий *качество* субстанции». И он привёл, в частности, такой пример: «Печь есть *чёрная*». – *Peirce Ch. S.* On a new list of categories. – Proceedings of the American Academy of arts and sciences 7 (1868), 287–298.

Однако в логическом аспекте подобная редукция является *абсолютно недопустимой*.

Но об этом даже и не подозревают составители современных учёных словарей. «*Отношение предикации*, – читаем в одном из таковых, – отношение между объектом и *понятием*, присущим этому объекту в качестве *свойства*». – Логический словарь: Де-форг. – Под ред. *А. А. Ивина, В. Н. Переверзева, В. В. Петрова*. – М.: «Мысль», 1994. – С. 171.

Тот же *Ч. Пирс*, к слову, некогда язвил: «Как только мы будем иметь представление об абсурдности, мы сможем представить себе, что определённое умозаключение может логически вести к абсурду. Умозаключение, которое ведёт к абсурду, ложно; а умозаключение, которое является ложным, может в некотором возможном случае повести к абсурду». – *Пирс Ч. С.* Элементы логики. *Grammatica speculativa* (фрагменты). – С. 193–194.

И таковая возможность, как видим, налицо. Ведь в действительности, в частности, по *Гоббсу*, в суждении, в коем посредством копулы «*есть*», являющейся знаком *тождества*, соединены «*два* (совместимых, однородных, однокатегориальных) *имени*, образующих *субъект* и *предикат*», утверждается, с одной стороны, *референциальная отнесённость обоих этих – отнюдь не диспаратных! – субстантивных имён к одной и той же* или *к любой такой же вещи*, с другой же – *экстенциональная соотносённость, родо-видовая субординированность* или же *субсумированность* их между собой, причём – за исключением тавтологических суждений – *S* необходимо должно *сохраняться в P*, по *Аристотелю* и *Минто*, как *вид – в роде* и т. д.

И о каком же *включении S в P* можно говорить теперь, когда всё вдруг представляется как раз *наоборот*? «Скорее, – некогда зло шутил (или не шутил?) *Лоренцо Валла*, ещё более выпукло демонстрируя тем самым некорректность интерпретации с его стороны суждения с *прилагательным* в предикате: «*Сократ есть лысый*» (интерпретации, отметим, ставшей ныне *типичной*), – скорее *лысина заключена в Сократе*, чем этот *последний – в лысине*». – *Лоренцо Валла*. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. – М.: «Наука», 1989. – С. 353.

(Относительно *Валлы* отметим следующее. Характеризуя его как «человека большого таланта», который «первый решился попать хитросплетения схоластов», *Лейбниц*, – по всей вероятности, имея в виду подобные его резолютивные эскапады, в частности, и в лингвистике, – всё–таки полагал, что сему «аристотелегонителю» «немало повредила репутация «грамматика», в результате чего он не мог оказать значительного влияния на умы людей». – *Лейбниц*. Сочинения в четырёх томах. – Т. 3. – М.: «Мысль», 1984. – С. 82, 62.)

Вслед за *Лоренцо*, по его порочным стопам, отметим, пустились и его истолкователи. Не разобравшись в проблеме, они из комментаторов превратились в эпигонов. Приведём слова таковых: «*Валла* рассуждал так: *Порфирий* берёт «*смеющееся*» и «*ржущее*» как *качества*, однако нельзя согласиться с теми, которые говорят «*смеющееся прогуливается*», «*ржущее скачет*», исключая само *действующее существо*, поскольку соответствующие *качества* заключены *в вещи*, а *не вещь в них*». – *Лоренцо Валла*. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. – М.: «Наука», 1989. – С. 441, прим. 92.

И апологетами подобной абракадабры в стремлении как–то придать всё–таки осознаваемому абсурду хотя бы какую–то видимость благопристойности в срочном порядке предпринимается выворачивание наизнанку (поскольку *слипп*–предикат уже переименован) и ставшей без вины виноватой *связки*, чтобы устранить или только лишь закамуфлировать содержащуюся в ней идентифицирующую интенцию. Это, как можно убедиться, вернувшись несколько назад, было хорошо показано *В. Минто*. В результате же изначально адекватные *теория предикации*, *теория суждения*, *теория силлогизма* и т. д. и т. п. просто расплозились по швам и, перекроенные и перештопанные, превратились в настоящий «*тришкин кафтан*». И всё сие, притом в сугубой мере, действительно и для нашего времени.

Смешно и вместе с тем печально в двадцать первом веке и третьем тысячелетии от Рождества Христова, в эпоху Водолея, в назидательном тоне, поучая замшелых мужей от официальной науки, говорить об элементарных, азбучных истинах. Ведь всё это вполне понимали уже наши далёкие, но мудрые предки. Ещё *Аристотель* более двух с третьей тысяч лет тому назад, касаясь проблемы конструирования силлогистических суждений, писал:

«Ясно, что иначе быть и не может, ибо ... термины необходимо должны принадлежать к одному и тому же роду». – *Аристотель*. Вторая аналитика. I.7 75b10; цит. по: *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. II. – М.: «Мысль», 1978. – С. 271; см. также: с 298, 332, 333, 342, 409, 496 и другие.

Приведём одно из адекватных современных свидетельств в пользу сказанного. По словам *Ю. С. Степанова*, со ссылкой на рецензию *П. С. Попова*, *Гюнтер Патциг*, «превосходный знаток текстов *Аристотеля* и греческих текстов вообще», показал, что «силлогистика *Аристотеля*, приложима лишь к той системе родо–видовых отношений, где для каждого рода существует ещё более высокий род и для каждого подчинённого понятия существует ещё другое понятие, в свою очередь ему подчинённое» (*Попов П. С.* Рецензия на книгу: *Patzig G.* Die aristotelische Sillogistik. – Goettingen, 1959. – Вопросы

философии. – 1961. – № 3)». – *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 32; см. также: *Стяжкин Н. И.* Формирование математической логики. – М.: «Наука», 1967. – С. 60.

Хотелось бы, конечно, спросить *П. С. Попова*, *Н. И. Стяжкина* и *Ю. С. Степанова*: а какая же ещё, – кроме означенной, – «система родо-видовых отношений» может существовать? Тем более – применительно к стандартным субъект-предикатным силлогистическим суждениям?

Со своей стороны не станем, однако, лукавить. *Стагирит*, отметим, не вполне корректно понимал семантику *слипнов*, но вполне адекватно, – хотя, правда, и не всегда, – исключал их из традиционной схемы родо-видо-индивидуальной субординации. Поэтому в заключение цитированного фрагмента он делает небольшую оговорку, имея в виду в качестве терминов суждения именно *слипты*: «Если же они (термины) сами по себе не таковы – (то есть, согласно его точке зрения, не принадлежат «к одному и тому же роду» – А. Ю.), – то они будут приводящими». – *Аристотель*. Вторая аналитика. I.7 75b10; цит. по: *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. II. – М.: «Мысль», 1978. – С. 271.

Впрочем, в «Топике» даже эта оговорка фактически как бы снимается. Цитируем: «Вообще говоря, род и вид должны подпадать под одно и то же деление, ибо если вид есть сущность, то и род – сущность, и если вид – некоторое качество, то и род некоторое качество». Приведённый автором пример, естественно, отнюдь не корректен, но тем не менее показателен: «...если *белое* есть некоторое *качество*, то и *цвет* также». – *Аристотель*. Топика. IV.1 121aб; цит. по: *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. II. – М.: «Мысль», 1978. – С. 409.

Но с отмеченной оговоркой или без неё *Стагирит*, когда он не мудрствует лукаво, оперирует *слиппами* совершенно свободно и именно как *именами классов*, естественно, *номинативных*. В «Метафизике» и «Топике», например, он говорит о *номинативных классах*, – не пользуясь, конечно, самим термином, – представляемых именами «*сущее*», «*здоровое*», «*врачебное*» и даже «*белое*». – *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах. – Т. I. – М., 1975. – С. 119–120, 276–277; Т. II. – М., 1978. – С. 409, 426.

В последующем заметный вклад в аспекте дальнейшей концептуальной адаптации и натурализации *слипнов* в логике и лингвистике был внесён *Бозэцием* (V–VI в.), *Вильямом де Шампо*, учителем *Абеляра*, самим *Абеляром* (XII в.), *Фомой Аквином* (XIII в.), *Вильямом Оккамом* (XIV в.). Но об этом – в другом месте.

В заключение отметим следующее. Дискурс, как мы видели, завёл *В. Минто* в тупик. Но интуиция, восходящая, по крайней мере, к его учителю – *Д. С. Миллю*, автора не подвела. И он вышел – таки из затруднения, естественно, поступившись всеми своими принципами. Шотландский логик, – хотя и с громоздкими оговорками, – предложил следующую *вполне корректную* интерпретацию исходного суждения «*Все люди смертны*» (которое, по его словам, якобы выбилось из традиционной колеи): «*Все люди принадлежат к классу смертных существ*»!

Автор пишет: «Строго говоря, в обыкновенной речи, то есть между общеупотребительными синтаксическими формами, нет выражений, вполне соответствующих и точно равнозначных силлогистическим символам. Мы можем придумать такие выражения, но они будут чужды разговорному языку. «*Все люди принадлежат к классу смертных существ*» – вот вполне подходящее выражение; но такого выражения никто не употребит в обыкновенной речи». – *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика. – Перевод с английского *С. А. Котляревского* под редакцией *В. Н. Ивановского*. – 5-е изд. – М., 1905. – С. 81.

Как оказалось, и *прилагательное* может—таки означать — вопреки всяческим запретам! — отнюдь *не отдельный признак*, а *предмет* и соответственно представлять самый настоящий *назывной, номинативный* или *номинальный класс*, в данном случае, по *Минто*, — *класс смертных существ*, в действительности же просто — *класс смертных*. Ведь если бы это было не так, то откуда могло взяться специфицирующее (или эксплицирующее) слово *существо*? Не с потолка же. Это подтверждается и нижеследующим.

Ведь именно таким образом, столь же поступившись всеми своими ранее провозглашёнными идеалами (кои будут предъявлены ниже), сочла—таки возможным, — не без некоторой подсказки, правда, со стороны *святи. Павла Флоренского*, — подобно интерпретировать то же самое или подобное суждение и *Н. Д. Арутюнова*. — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. — М., 1998 (1999). — С. 300; см. также: с. 354 — «*Он был безумный*», с. 458 — «*Сократ смертен*»; последнее суждение в данном случае с точки зрения якобы функционального значения копулы—связки квалифицировано как «*предикация признака*», но в то же время отнесено к типу «*значения членства, то есть вхождения индивида в состав класса*»; однако в принадлежащей автору статье «Связка» в Лексическом энциклопедическом словаре оно с вынесением в отдельный пункт трактуется уже лишь в смысле «*предикации признака*». — ЛЭС. — С. 435. — В статье же *Ю. С. Степанова* «Предикация» последний тип предикативных отношений в составе приведённых, отметим, *вообще не указан*. По словам автора, «в узком смысле» в логике лишь только следующие операции называются предикацией: «1) *множество включается в множество* (\subset); 2) *элемент включается в множество* (\in); 3) *устанавливается эквивалентность* (\equiv)». При этом же подчёркивается: «...то есть предикация сводится к значениям глагола—связки «*быть*». — ЛЭС. — С. 394. — Как видим, в последнем случае — никакой тебе «*предикации признака*»! И это наблюдается в одном и том же секторе Института языкознания РАН!

В цитированной книге *Н. Д. Арутюновой* «Язык и мир человека», — несколько возвратимся назад, — мы находим интерпретацию понятия *номинативный*, или *номинальный класс*. При этом несомненно следует иметь в виду, что автором некорректно трактуются *имена прилагательные*, кои и вообще—то *не почитаются именами*.

По словам *Н. Д. Арутюновой*, *номинальные классы* формируются «наряду с *естественными родами*». Ведь разнородные *объекты* могут обладать неким *одинаковым, тождественным* признаком. «Такие объекты и образуют *номинальный класс* (например, *класс круглых* или *зелёных предметов*). Если же *тождество* распространяется на некоторую совокупность природных черт, то соответствующие объекты объединяются в *естественные роды и виды*». — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. — М., 1998 (1999). — С. 297, 301; см. с. 53.

Автором, понятно, при этом утверждается, будто *признаки*, кои полагаются в основание включения *предметов* в *номинативные классы*, могут быть выражены и — главным образом — выражаются «теми категориями слов, для которых *признаковое значение является первичным*», то есть — *прилагательными*. — Там же. — С. 297.

Однако, как это всем известно, в том числе, полагаем, — и самой *Н. Д. Арутюновой*, *класс круглых предметов*, например, может быть представлен *именем прилагательным* «*круглое*», *класс предметов зелёных* — *именем прилагательным* «*зелёное*». Именно подобным образом и *класс смертных* в отмеченном выше авторском варианте как раз и представлен *прилагательным* «*смертное (смертные)*». — Там же. — С. 300; см. также с. 458.

Но само собой, полагаем, понятно, что ни «*круглое*», ни «*зелёное*», ни «*смертное (смертные)*» отнюдь не обладают никаким *признаковым значением*, в том числе и *первичным*. В противном случае, кроме сказанного ранее, *предметы* в понятийном представлении

оказались бы подчинены понятию *признака*. Но такое возможно лишь в искусственных и самопротиворечивых языках *Карнапа* и *Чёрча* и ... в современных отечественных лингвистике и русистике.

По словам, в частности, академика *В. В. Виноградова*, «в сущности, при предикативном употреблении полных форм *имён прилагательных* происходит подведение тех или иных предметов *под известные категории качества или признака*, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц». – *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М., 1972. – С. 214; цит. по: *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 152.

Справедливости ради отметим, что мысль о возможности «*подчинить предмет понятию признака, в нём заключающегося*», посещала ещё в последние десятилетия далёкого XIX века отечественного логика *М. И. Владиславлева*. Однако, пытаясь иллюстрировать сказанное, он предпринял вполне ожидаемый и закономерный манёвр, перейдя от заключающегося в предмете *признака* к самому качественно определённом, то есть обладающему неким признаком *предмету*: «... например, под понятие *жёлтого предмета* подойдёт *золото*». – *Владиславлев М. И.* Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. – СПб., 1881. – С. 61.

Безусловно, вряд ли наш автор под *жёлтым предметом* действительно мог иметь в виду «*признак, заключающийся в предмете*». Но, в свою очередь, *жёлтый предмет* он, по всей вероятности, прозревал за *слипном* «*жёлтый*» или, лучше сказать, «*жёлтое*». Однако корректно выразиться он уже не мог...

В данном случае привлекает внимание термин, которым *М. И. Владиславлев* (а вместе с ним выше – и мы) воспользовался для обозначения логической операции, отличной от родо-видовой понятийной *субординации*. По словам автора, «этот род подчинения называется *подведением (subsumptio)* одного понятия под другое». – Там же.

В результате осуществления данной логической операции под калькированным именованием *субсумпция* и возникает некоторое понятийное, а в конечном итоге – предметное (в широком смысле слова) множество, нарицаемое *назывным, номинальным или номинативным* классом. При этом *субсуммирование*, то есть «*подведение одного понятия под другое*» осуществляется на основании *одной* лишь общей характеристики, свойственной отображаемым предметам. В частности, под понятие «*жёлтое*» – кроме «*золота*» *М. И. Владиславлева* – подводится и многое другое, *именуемое* «*жёлтым*».

«Под *субсумпцией* (от лат. *subsumere* – *подчинять*), – предлагает своё разъяснение термина *Ю. С. Степанов*, – традиционно (и справедливо) понимается *подведение* типа: *жёлтые цветы, жёлтые платки, канарейки, золото, бронза* и т. п. → *Жёлтое*». – *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Отв. редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 38.

Самое печальное в данном случае заключается в том, что описываемую логическую операцию буквально несколькими строками выше автор квалифицирует как «*подведение под категорию Качество*»! Поскольку *имя*, представляющее класс, в том числе – и *номинативный*, сказывается о каждом входящем в него элементе, то в результате получается, будто «*жёлтые цветы, жёлтые платки, канарейки, золото, бронза* и т. п.» суть ... *качества*!

«Сравнение *субсумпции* с *категориальным подведением*, – пишет далее *Ю. С. Степанов*, – очень чётко обнаруживает черты того и другого. С одной стороны, *субсумпция* отличается от категориального, родо-видового обобщения тем, что не требует рассуоч-

ного обобщения, усмотрения общего. Она, выражаясь *феноменологически*, не требует интенционального акта усмотрения общего, как его требует *именование* (см. гл. I, 1). Здесь необходимо лишь обобщение на уровне восприятия: объединяется *всё жёлтое* (sic!). *Субсумпция* является эмпирическим собранием индивидов в класс. Именно поэтому обобщение *субсумпцией*, как правило, *не приводит к имени*, не является *актом именования*. – Там же. – С. 38.

Ю. С. Степанов, похоже, не задумывался над вопросом: не может ли им же самим использованное выражение «*жёлтое*» быть приложимо *в качестве имени* к каждому из тех *подведённых под него* предметов, которые выше он упомянул в качестве примера элементов образованного в результате *субсумпции* класса *Жёлтое*? Класс – то ведь *номинативный*, то есть *назывной*!

А ведь читатели *интуитивно* поняли это именно так. Иначе как они станут пользоваться какой-то анонимной, *не приводящей к имени* классификацией и для чего им такая? Ведь всякая классификация, в том числе и *субсумпция*, одной из целей как раз и имеет *унификацию именований* и является именно *актом*, ведущим к созданию нового *именования*. И последнее, несомненно, является результатом – пусть даже и *феноменологического* – усмотрения *общего* в классификантах. *Общие имена* потому-то и называются *общими*.

Кроме того, *субсуммирование* как логическая операция совсем не обязательно ограничивается обобщением лишь «*на уровне восприятия*». Мы можем причислить, например, к классу *Жёлтое* предмет, которого ещё никто никогда вообще не видел, но на основании акта «*рассудочного усмотрения*» определённо зная, что *генетически* он должен быть и будет именно *жёлтым* (в селекции).

Применительно к случаю отметим, что большинство естественнонаучных классификаций в ботанике и биологии имеют характер *субсумпции*. И при этом элементы каждого *линнеона* (по имени *К. Линнея*) и *жорданона* (по имени *А. Жордана*) имеют своё *обобщающее именование*. Правда, об этом не все догадываются. – См., например: *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 71 и далее.

С другой стороны, в аспекте *локальной* параллели, напомним всем интересующимся, «*эмпирическим собранием индивидов в класс*» можно назвать, в частности, и образование – в буквальном смысле *феноменологическое* – *класса человеческих индивидов* и т. д. и т. п. Свой свояка, как говорится, видит издалека. Другое дело, когда возникает необходимость дальнейших обобщений: *животное, телесное, субстанция*... Здесь уже требуется применение «*интенционального акта усмотрения общего*» в элементах уже *различных* классов (видов).

Интересно спросить: а как же будет выглядеть дальнейшая картина *обобщения* в случае *номинативных классов*? Неужели «*жёлтое*», «*красное*», «*белое*» и теперь – после примерных *жёлтых цветов* и *канареек* – *Ю. С. Степанов* опять-таки станет водворять «под категорию *Качество*»?

В этом аспекте интересны размышления автора в связи с искусственными построениями и проистекающими отсюда трудностями *Р. Карнапа*. Последний мучается и сокрушается как раз по поводу того, что «в обычном словоупотреблении нет слова для обозначения *отношения между индивидуальным концептом и свойством, соответствующего отношению принадлежности между индивидом и классом*». Естественно, такого слова нет, но его и не должно быть. Ведь в многотысячелетней общечеловеческой мыслительной и речевой практике в нём не было никакой нужды. Однако теперь вдруг оно потребовалось. И именно потому, что *Р. Карнап* попытался «на теоретической ос-

нове» использовать *слиппы*, с которыми у него возникло много хлопот, как *знаки качества*. А коль скоро это так, то в контексте субъект–предикатного суждения со *слиппом* в предикате ему и потребовалось *подводить понятие предмета под понятие свойства*. «...для этого отношения, – пишет он далее, – мы употребили здесь слово «*субсумируется*» (в смысле «правильно *субсумируется*»), но мы не будем употреблять его дальше». – Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – Пер. с англ. – М., 1959. – С. 83».

В качестве комментария – вместо того, чтобы констатировать очевидную абсурдность надуманных и контрпродуктивных конструкций и проблем Р. Карнапа, – Ю. С. Степанов ограничивается подливающим маслом в огонь замечанием: «Отмеченная трудность стоит в некоторой связи с общей проблемой, которую мы условно обозначаем так: «*Предикаты не именуют*». – Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 90; см. с. 135–136.

Как мы увидим далее, всё опять–таки упирается в превратное толкование слов в форме современных *имён прилагательных и/или причастий* в функции *предикатов*!

Нечто подобное обсуждаемому можно встретить, однако, и в современных «учебных пособиях» по языкознанию. В частности, Г. В. Степанова и А. Н. Шрамм, согласно которым якобы «*общеизвестно*», будто «*прилагательное* обозначает *признак предмета*», пишут следующее: «В атрибутивном употреблении в большей степени выявляется *денотативный* аспект *прилагательного* (обозначение *признака конкретного предмета*...), а в предикативном – *сигнификативный* (*подведение предмета под класс, характеризуемый этим признаком*)». – Степанова Г. В., Шрамм А. Н. Введение в семасиологию русского языка. Учебное пособие. – Калининград: Изд–во КГУ, 1980.

Несомненно, с одной стороны, вызывает вопрос уже само употребление в приведённом фрагменте терминов *денотативный* и *сигнификативный*. Как могут быть сопоставляемы слова *сигнификативный аспект* и *класс*? Как вообще мог появиться вдруг *класс*?

Но, кроме того, авторы выше – в подражание той же Н. Д. Арутюновой со ссылкой на её давнюю статью «Коммуникативная функция и значение слова» (НДВШ. Филологические науки. – 1973. – № 3. – С. 42–54), – отнесли *прилагательные* к разряду слов, кои обладают «только понятийным содержанием, *сигнификатом*, и сами по себе отнюдь не приспособлены к *денотации*». И вдруг они *заденотировали*! Правда–таки, «в *атрибутивном употреблении*». То есть, следует понимать, *не сами по себе*?

Безусловно, «в атрибутивном употреблении» *прилагательное* выступает уже *не само по себе*. И если теперь, по Н. Д. Арутюновой, оно и будет обладать способностью к *денотации*, то тоже, полагаем, отнюдь *не само по себе* и посему не может уже трактоваться в «*денотативном*» якобы аспекте «обозначения признака конкретного предмета». Ведь это его *собственное* лексическое и/или грамматическое значение, получившее отражение в приведённой выше *ошибочной* дефиниции. А ведь *денотирует* оно теперь в составе атрибутивного словосочетания, в котором нашло своё место.

Возьмём авторский пример: «*молодая хозяйка*». Данная конструкция, если говорить именно *о её денотации* как таковой, *денотирует*, естественно, *сама по себе*, и *денотирует* она некоторое лицо, которое может быть и как раз обозначено как «*молодая хозяйка*».

Именно это в конечном счёте, полагаем, и может иметься в виду в воспроизведённом *ошибочном* тезисе из статьи Н. Д. Арутюновой. *Ошибочном* – ибо в результате предлагаемых мистификаций (*само по себе* – *не само по себе*) *прилагательное* просто–напросто затерялось. В действительности же это *знаменательное слово* и *само по себе* при-

способлено к *денотации*, но к *денотации* в *изначально принятом* понимании, а именно – к *денотации объекта* (в широком смысле слова, как и в случае обыкновенного *субстантива*), заданного *корректной* дефиницией *адъектива*, то есть обладающего соответствующим *признаком, коннотируемым корневой основой слитпа*.

Притом не следует забывать и того обстоятельства, что характерной чертой *слитпов* «является наличие в их значении семантических *валентностей*», которые при необходимости в речи могут синтаксически заполняться (а могут и не заполняться) именами определённых «субъекта, объекта, орудия и т. п.». – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Номинация». – Автор *В. Н. Телия*. – С. 336.

В данном случае нам на помощь совершенно неожиданно пришли со своим Энциклопедическим словарём *Ф. А. Брокгауз* и *И. А. Ефрон*. И в соответствующей словарной статье из этого многотомного издания находим достаточно адекватную дескрипцию:

«*Прилагательное имя* (грамм.) – обозначает, что *признак, выражаемый корнем прилагательного имени*, принадлежит другому предмету, обозначаемому *именем существительным*. Например, в выражении «*добрый человек*» *прилагательное «добрый»* показывает, что признак «*доброта*» («*выражаемый, – напомним, – корнем прилагательного имени*»), а не самой по себе лексемой. – А. Ю.) принадлежит предмету «*человек*». Когда говорят, что *прилагательное* обозначает *качество* или *свойство*, то упускают из виду, что *качество* может быть выражаемо и *существительным*, например, «*доброта*», и таким образом самый существенный признак значения *прилагательного* остаётся не указанным.

Итак, *прилагательное имя* – то же, что *определение*; разница только в том, что иногда *определение* может выражаться и *существительным (приложением)*...

Форма *прилагательных имён* в индоевропейских языках обыкновенно совпадает с формой *существительных*. Очень часто мы встречаем (особенно в санскритском языке) *существительные* и *прилагательные имена* тождественной формы...

Весьма вероятно, что многие *прилагательные* произошли из *существительных*, служивших сначала приложением к другому *существительному*. Внешнее выражение связи *существительного–приложения* с определяемым словом – согласование – превратило *существительное* в *прилагательное имя*. В истории всех языков мы встречаем и обратный процесс превращения *прилагательного имени* в *существительное*... – Д. К.».

Рассматриваемая ошибочная интенция весьма выразительное запечатление получила, в частности, и в статье *П. Гращенкова* (МГУ) «Насколько универсальна *адъективная категория*, или: Куда же ушли *прилагательные?*». – *Online: <http://www.dialog-21.ru>*.

По словам автора в заключительном разделе статьи «Адъективность как универсальное явление», «оформление *прилагательных* в особую категорию начинается прежде всего с прототипических *прилагательных*, затем (и, видимо, это можно считать типологической универсалией) появляется суффикс со значением обладания/необладания каким-либо предметом (или предметами) свойством (*умный, сильный, грибной*...). Как правило он (данный суффикс) образует лексемы *к л а с с о в*: *Физические характеристики и Свойства живых существ*».

Но вернёмся к фантастическому тезису академика *В. В. Виноградова*, содержащемуся в заимствованном из книги *Ю. С. Степанова* и воспроизведённом выше фрагменте из его небезызвестного труда «Русский язык (грамматическое учение о слове)».

Ю. С. Степанов, как мы могли уже убедиться, сам мыслит вполне в унисон с сим авторитетом в русистике. Посему, естественно, он отнюдь не опровергает и не отвергает вы-

двинутый последним тезис, как следовало бы ожидать, исходя из критериев объективной истины, но лишь подвергает данное, – с его точки зрения, вовсе не *ошибочное* – утверждение своеобразному комментарию. При этом толкователь использует, однако, абсолютно корректный метод – метод так называемой *спецификации предиката–адъектива*, не понимая, как видно, его действительного смысла...

«Иными словами, – пишет автор, как бы изъясняя виноградовское «*подведение* тех или иных *предметов под известные категории качества или признака*», – выражение с полным *прилагательным в предикате* означает в сущности *подведение под вид*. Например: «*Краска – густая*» значит «*Эта краска – густая краска*», а предикатное выражение «*густая*» есть разновидность эллипсиса вместо «*густая краска*».

«Нужно заметить, – говорится несколько далее, – что и краткие предикативы русского языка («*Трава зелена*»), и соответствующие предикаты нефузионных языков тоже могут рассматриваться как форма *подведения под класс*: в сущности, английские и немецкие выражения типа «*The grass is green*»; «*Das Grass ist gruen*» значат букв. «*Трава есть зелёное*», что не так уж далеко от предложений типа «*Эта краска – густая краска*». – Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 152–153.

Подобная интерпретация, однако, отнюдь не предполагается самим по себе утверждением академика **В. В. Виноградова**. Ведь последним, напомним, проводилась мысль лишь о «*подведении тех или иных предметов под известные категории качества или признака*, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц». Посему в данном случае **Ю. С. Степановым** произведена очевидная *подмена тезиса*. В результате, однако, предложенное им толкование объективно оказалась достаточно корректным. Но это стало возможным лишь при неременном условии, что *адъектив в предикате* является *семантическим субстантивом* и потому вполне правомочен представлять и действительно представляет *номинативный класс – класс предметов*. В принципе, если угодно, можно сказать и так: *несколько особый вид, квази–вид* схоластики.

Аналогично и в примерах, приведённых **Н. Д. Арутюновой**, лексемы «*круглое*», «*зелёное*» и «*смертное*» *первично* обозначают отнюдь *не признаки*, но, напротив, *объекты, обладающие соответствующими признаками* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Лишь при таком их понимании приведённое в качестве классического примера высказывание в стандартной форме: «*Omnis homo est mortalis*» – «*Каждый человек смертен*» (менее точная, как уже говорилось, транслация: «*Все люди смертны*») – имеет смысл и может быть точно интерпретировано. Результат – налицо.

Именно посему в одном из современных электронных практических руководств по логике, отметим кстати, автор его – **Garth Kemerling** – *с прилагательными в предикате* расправляется безо всяких там затей. «Если (в высказывании), – декларирует он, – *предикат* выражен *адъективно*, то для того, чтобы получить категорическое суждение, мы просто *субстантивируем* его, преобразуя в *субстантивное* выражение. Это делается нами для того, чтобы трансформировать, например, суждение «*Все компьютеры суть электронные*» в таковое: «*Все компьютеры суть электронные приборы*». – Online: <http://people.delphi.com/gkemerling/lg/e07a.htm>.

Собственно, в конце концов так поступают по крайней мере все благоразумные и логики, и лингвисты, и простые обыватели. Последние вообще не задумываются над этим: они просто руководствуются интуицией, восходящей к истокам слово– и речетворения. Но учёные дамы и мужи могли бы значительно облегчить жизнь и себе, и другим, если бы, *вовсе и не прибегая ни к какой субстантивации и, более того, – применительно к слипнам – отвергая её как таковую вообще*, просто считали бы в целом все *адъекти-*

вы, причастия и т. п. *семантическими субстантивами*. Ведь таковыми они и являются *в действительности* – *изначально, всегда и везде*, то есть даже вне зависимости от того, в какой позиции в контексте речи они обретаются: в позиции ли *предиката, субъекта, объекта* или же *атрибута*. Тем более, что в значительной своей части *формальные слитны* – пусть даже вследствие пресловутой *субстантивации* – *практически уже признаются существительными*. Так что дело за малым!

Особенно шокирующе на традиционалистов действует тезис, согласно коему *слитны* и в качестве *атрибутов* имеют *субстантивное значение*. Ведь они ошибочно полагают, будто «посредством *определения* реализуются атрибутивные отношения между наименованием *субстанции* и названием *признака*...». – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – С. 348.

Но *атрибутивную* конструкцию, однако, так легко перевести в *предикативную*! Да, собственно, имплицитно она и является таковой (своеобразный *эллипсис*). *Логике Пор-Рояля*, отметим, вообще считали лексемы *атрибут* и *предикат* – *синонимами*. А в *предикате*, как мы уже видели, *слитны* даже в Институте языкознания Российской Академии наук пусть и некоторыми и иногда признаются *субстантивами*, представляющими–таки *классы объектов*.

Впрочем, не преминём отметить, некие там и по–прежнему считают, будто даже натуральные «*существительные*, выступающие в роли *приложения*, обозначают *качества* и *свойства* («*красавица–дочь*»), *функциональные признаки* («*девушка–почтальон*»), *эмоциональные характеристики* («*злодейка–западня*»), *видовые признаки* («*дерево сосна*») ... *предметов*» и т. д. – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Приложение». – Автор *И. Н. Кручинина*. – С. 398.

Но при этом, однако же, утверждается: «Определительные отношения, характерные для *приложения*, близки к предикативным и, в известной степени, из них вытекают. *А. А. Шахматов* прямо связывал возможность для *существительного* выступать в определительной функции с его способностью употребляться в качестве сказуемого (Ср.: «*Николай – кузнец*» и «*Николай–кузнец работает сегодня в поле*»)). – Там же.

Н. Д. Арутюнова также полагает, будто *функциональные и реляционные субстантивные имена*, которые, собственно, наиболее часто выступают в роли *приложений*, «имеют статус *семантических предикатов*, то есть *обозначают признаки, роли, действия лица, его отношение к другим лицам*». – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. 20; см. с. 24, 53–59.

При этом, правда, автор не могла не заметить, что многие из таких имён «регулярно выполняют в предложении *идентифицирующую функцию* и постепенно втягиваются в зону *идентифицирующих имён*, приближаясь к ним по характеру своего значения. Часть таких имён первообразна, что сближает их с идентифицирующей лексикой (*мать, отец, дочь, сын*)». – Там же. – С. 20.

(В действительности, подчеркнём, эти имена и безо всякого «сближения с идентифицирующей лексикой», сами по себе имеют не только грамматическое, но и лексическое *предметное* значение. Вряд ли найдётся смельчак, который бы мог заявить, будто *отец* – это *признак* или *роль некоего лица*, а не *само это лицо в некой роли*.)

Но далее следует нечто совсем из другой оперы: «Подобные *имена* в сущности слабо соотнесены с *прилагательными* и глаголами. Иногда наряду с ними появляются собственно *функциональные (признаковые) номинации*, ср.: *роженица* и *мать*». – Там же.

Как видим, и *роженица* в академической интерпретации уже превратилась в функциональный *признак*!

Нечто подобное наблюдается, в частности, и в описании *еврейско-татского языка*. И это понятно: ведь описывают его – и не только в данном случае – кадры русскоязычных лингвистов старой закалки. Можно даже сказать: *иврит* вообще «делается» нынче *русскими*, то есть, с одной стороны, иммигрантами-выходцами из России, нашими соотечественниками, коих так собственно и называют в земле обетованной, а с другой – здешними *еврорусскими*.

В статье *Е. Назаровой* «О грамматической категории «*атрибутивность*» в еврейско-татском языке», опубликованной в сборнике «*Judaica Rossica*», выпуск 2, издания Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета, например, при анализе *атрибутивных конструкций* в языке, в частности, говорится следующее: «В роли определения в *качественных словосочетаниях* употребляются *имена*, объединяемые общностью *синтаксического значения* (sic!) – характеристикой *качества предмета*: качественные и относительные прилагательные, *существительные*, порядковые числительные и глагольные имена – причастия»; все эти *имена* «называют собственно *качества, свойства предметов*». – Указ. соч. – С. 186; см. с. 190.

При этом же и отмечается, что «*структура атрибутивных конструкций* еврейско-татского языка ... безотносительна к категориальной принадлежности слова-определения». – Там же. – С. 190.

Обратим внимание на то, что в данном случае имеются в виду и *имена существительные* (об остальном мы уже не говорим). При этом приводятся обильные примеры *атрибутивного* употребления *субстантивов*. – Там же. – С. 190–191.

Самой же категории «*атрибутивность*» в качестве *синонимов* в статье сопоставляются «*квалитативность*», «*качественность*». Соответственно утверждается, что «*качественными словосочетаниями*» передаются «*квалитативные значения*». – Там же. – С. 186.

В контр-аспекте, – как редчайший, однако, ныне случай, как глас вопиющего в пустыне, – можно привести пример и достаточно *адекватной* позиции в данном вопросе (исключая, естественно, проблему семантики *слиппов*). В частности, в статье *В. Н. Телия* «Номинация», обретающейся в ЛЭС, читаем: «Промежуточное положение между *именами предметов* и *признаков* занимают функциональные и реляционные *имена лиц, обозначающие их* (то есть, как это с несомненностью понятно, *лица!* – А. Ю.) *по роду занятий, отношений к другим лицам или предметам (учитель, внук, хозяин)*». – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-изд. – 1998). – С. 336.

Всё, полагаем, понятно? Может быть, у руководства ИЯ РАН есть вопросы?

В статье «Приложение» в энциклопедии «Русский язык» обнаруживаем нечто промежуточное: неопределённость формулировок является следствием, вероятно, неопределённости разумения: «Определяя предмет (или лицо), *приложение* утверждает у него *наличие какого-либо качества, свойства* (рабочий-рационализатор, старик-отец, серьги-изумруды), *функционального* (поэт-песенник, самолёт-разведчик) и *видового* (месяц август, ягода малина, птица зяблик) *признаков*, экспрессивно *оценивает этот предмет или лицо* (молодец-удалец, злодейка-западня)».

Более точно следовало бы, конечно, сказать: *приложение, определяющее, именует тот же предмет* (или лицо), что и *определяемое, обозначая его сообразно дополнительно присущим ему свойствам, качествам, функциональным и другим признакам* (в данном конкретном случае – *способности к рационализаторству, отцовства, изготовленности из изумрудов, ориентированности на песенное творчество, приспособленности к разведывательной деятельности, соответствующего расположения в календаре*

и т. д. и т. п.). То есть так, как это сказано в ЛЭС, и более ничего. Тем паче, что далее говорится: «В сочетаниях типа *старик–отец*, однако, выделить *определяемое* и *определяющее* можно только по смыслу: с точки зрения грамматики выявить, как распределяются роли между двумя названными *существительными* для выражения атрибутивности, нельзя». – Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1997. – С. 378.

Где же в таком случае, спрашивается, следует видеть *признак*, а где *лицо*?

Возвратимся несколько назад и приведём весьма выразительную иллюстрацию к тезису о путанице в трактовке высказываний в стандартной силлогистической форме со *слип-нами* в предикате.

В отличие от *В. Минто* и *Н. Д. Арутюновой*, которые хотя бы интуитивно и с неимоверным трудом смогли–таки за *адъективом* «*смертные*» увидеть «*класс смертных*», некоторые даже из университетских учёных логиков к подобному подвигу до самого последнего момента, однако, подготовлены не были. И в контексте силлогизации, столкнувшись в качестве одной из посылок с высказыванием: «*Мак – красный*», они, естественно, двинулись по проторённому уже пути: «*красный есть цвет*»...

Здесь наши мудрецы, однако, остановились, безусловно, понимая, что следовать далее в этом направлении просто невозможно: «*Мак – красный, красный есть цвет, но это не значит, что мак есть цвет*». В результате едва не оказалась поколебленной и даже сокрушённой многотысячелетняя *аксиома простого категорического силлогизма*, в данном случае сформулированная, естественно, через «*признак*»: *признак признака вещи есть признак самой вещи*. Вывод авторов предельно категоричен: «*Здесь обсуждаемая «аксиома» школьной логики не проходит*», ибо, согласно их декларации, она действительна «*только для родо–видовых предикатов в смысле Аристотеля*». – *Попов П. С., Стяжкин Н. И.* Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. – М.: Издательство МГУ, 1974. – С. 51.

К сожалению, подобные некорректные рассуждения, блистающие весьма наукообразной формой, встречаются и поныне. В частности, их можно обнаружить в новейших курсах и тезисах лекций по аристотелеведению профессоров целого ряда университетов Юга и Севера Соединённых Штатов.

Профессор Хьстонского университета *Цинтия Фрилэнд (Cynthia Freeland)*, в частности, поместив в интернет–тезисах фото своего кота *Калипсо*, взяла в оборот его сородича *Флаффи*. Её анализу подлежит следующий несколько странный тезис: «И имя, и видовое отличие (дифференция) того, что сказывается о субъекте, должны сказываться о субъекте». Отсюда проистекают и столь же странные умозрительные (литера «з» кажется здесь даже лишней) конструкции и выводы, которые, изложив, мы просто оставим без комментария.

«Например, – пишет мадам профессор, – имя «*кот*» сказывается о *Флаффи*. Если же «*четвероногий*» и «*хвостатый*» – видовые отличия кота, то «*четвероногий*» и «*хвостатый*» должны также сказываться и о *Флаффи*, ведь *Флаффи* – *четвероног* и *хвостат*. Однако это положение отнюдь не является истинным в отношении несубстанциальных предикатов. Если «*белое*» сказывается о *Флаффи*, а *бытие светлым цветом* есть *видовое отличие белого* (being a light color is a differentia of white), то мы должны были бы сказать, что *Флаффи* есть *светлый цвет* (light color). Однако же это суждение с очевидностью ложно. Ведь *Флаффи* не цвет, а кот». – *Online: <http://www.uh.edu/~cfreelan/courses/categories.html>*.

Позицию, аналогичную вскрытой, в статье «Предикация, омонимия и «Категории»» демонстрирует и профессор Техасского А&М университета *Робин Смит (Robin Smith)*.

Трактуя *слиппы* как *знаки качеств* и прокламируя возможность так называемой *межкатегориальной предикации*, земляк президентов из рода Бушей при этом утверждает, что последняя не является *транзитивной*. Это означает: если А сказывается о В, а В сказывается о С, то А отнюдь не сказывается о С. И тут приводится до боли знакомый нам «горбатый» пример: «Хотя *Сократ* (С) *бледен* (В), а *бледный* (В) – это некий *цвет* (А), отсюда отнюдь не следует, будто *Сократ* (С) *есть цвет* (А)». – *Smith R.* Predication, homonymy and the Categories. – *Online:* <http://aristotle.tamu.edu/~rasmith/courses/ancient/predication.html>.

Подобное можно найти и в интернет–статьях и тезисах лекций профессора Вашингтонского университета (Сиэтл) *Марка Коэна* (*Marc Cohen*). – См.: *Cohen M.* Aristotle's alternative to referential opacity. – *Online:* <http://faculty.washington.edu/smcohen/kooky>; *Cohen M.* Predication and ontology: The Categories. – *Online:* <http://faculty.washington.edu/smcohen/320/cats320.htm>. – © 2002, *S. Marc Cohen*.

Терзания профессоров Московского университета *П. С. Попова* и *Н. И. Стяжкина* и их абсурдное стремление сокрушить несокрушимую *аксиому силлогизма*, отметим, не остались незамеченными. И самое интересное в этой истории то, что всё это на полном серьёзе обсуждалось в статье «Аксиома ... силлогизма» на страницах «Логического словаря–справочника» *Н. И. Кондакова* (2–е изд. – М.: «Наука», 1975. – С. 20–21).

При этом, правда, акценты несколько сместились, но существо дела осталось. Аксиоматическое правило силлогизма в формулировке: *признак признака некоторой вещи есть признак самой вещи*, – согласно индифферентному *Н. И. Кондакову*, – «по мнению ряда авторов», является попросту «логически некорректным и смешивающим разные уровни абстрагирования; иногда (они) приводят такой контр–пример: «*мак (есть) красный; красный (есть) цвет; следовательно, мак (есть) цвет*» – *при истинности посылок здесь ложно заключение*».

Как видим, и в данном случае очевидный абсурд опять–таки остался неидентифицированным! Причём сам *Н. И. Кондаков* воспроизведённую формулировку считает адекватной. Именно это положение он и именует *аксиомой силлогизма*. Однако с «горбатым силлогизмом» *П. С. Попова* и *Н. И. Стяжкина* он разобраться так и не смог.

Если суждения типа «*Мак – красный*», можно сказать, искони имеют право на существование в языке, то они необходимо должны (1) иметь и несомненно имеют определённый смысл, (2) безусловно подлежать адекватной интерпретации и (3) осмысленно и конструктивно функционировать в контексте *человеческой* речи. А тут вдруг этакая заноза никак не желает выдерживать ранжир и встраиваться в силлогизм!

И отнюдь здесь не при чём некое учёное «*смешение разных уровней абстрагирования*»! Предложите эту задачку простому смышлённому мужику – и он интуитивно вам её решит у вас же на глазах. Ведь действительная причина откровенной профессорской путаницы нам уже известна: *ошибочная трактовка всеми названными учёнейшими логиками имени прилагательного как знака качества*. Стоит лишь отказать от неё – и всё мгновенно станет на свои места: *мак – красный; красный – это предмет* (в данном случае – *цветок*), *которому присуще качество красноты* (или: *обладающий качеством красноты*); *следовательно, мак – предмет (цветок), которому присуще качество красноты* (или: *обладающий качеством красноты*). Вот и всё!

В качестве курьёзной иллюстрации того абсурда, который рождается вследствие *призначного* понимания *слиппов*, приведём фрагмент так сказать «*обратного действия*» из опуса одного из столпов языковедения XIX века. По словам *Штейнтала*, принимаемым всерьёз цитирующим их *А. А. Потембнэй*, «в суждении «*все тела делимы*» *субъ-*

ект и *предикат* равны между собой, так как из неопределённого множества *признаков тела* здесь вводится в сознание только один, именно *делимость*, которая и составляет всё, что в этом суждении мыслится под *телом*. Таким образом, *субъект и предикат действительно тождественны*, ибо *предикат сказывает то, что есть субъект*».

Приводимые же *Штейнталем* примеры отнюдь *не с редукцией, трансформацией в признак субъекта*, а – напротив – *со спецификацией предиката*, не совсем, однако, соответствуют его мысли: «*Собака бежит*» значит «*эта собака есть бегущая собака*»; «*эта птица серая*» значит «*эта птица есть серая птица*». – *Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie*. – Berlin, 1855. – S. 330; цит. по: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – Т. III. – М.: «Просвещение», 1968. – С. 61; на с. 69, отметим, *А. А. Потебня* приводит иной фрагмент из другой книги *Штейнталея*, в примерах коего всё представлено как бы наоборот: «В «*diese Frau ist schoen*» говорится не то, что «*diese Frau ist eine schoene (Frau)*», а то, что «*diese Frau hat die Eigenschaft der Schoenheit*».

Автор вполне корректно понимает *формальный* смысл *связки* в подобном суждении как *знака тождества*. Однако он отнюдь не понимает *характера* декларируемой *идентичности S и P*. Сия же безусловно является *экстенциональной, денотативной*. Ведь «в речи, – по словам *В. Г. Гака*, – реализуется *денотативная* сторона лексического значения слова, отражающая связь лексического знака (включающего *сигнификат*) с представлением о конкретном внеязыковом объекте». – ЛЭС. – С. 261. – Это же означает, что *разные по смыслу, интенционалу* имена в позиции *S* и *P* являются именами *одной и той же вещи, одного и того же денотата*, прежде обозначенного и поименованного первым из них, в конечном же итоге обретающего иное, выявляемое в контексте суждения имя. По существу, в данном и подобных случаях имеет место элементарный акт *именования*, даже если в качестве предиката выступает *слипп*.

Обитатель же *каменной долины* пытается примыслить *тождеству* в суждении *S* и *P* характер *смысловой, интенциональный*. И при *призначности* – в его трактовке – предиката, выраженного *слиппом*, он вынужден *редуцировать, трансформировать в признак и субъект!* По его словам несколько выше, «из многих признаков образа или понятия выдвигается один; только этот признак мыслится в качестве предиката, и *субъект в момент суждения мыслится лишь как этот признак*, так что *в нём одном ценность субъекта*».

Таким образом, как видим, *Штейнталем* предлагается фантастическая интерпретация элементарного по форме и содержанию суждения. В действительности же достаточно было увидеть ему за предикатом *делимы* все *тела*, характеризующиеся признаком *делимости*, как за предикатом *серая* он прозрел *серую птицу*, – и всё в одно мгновение – легко и просто – встало бы прочно и навсегда на свои места.

Справедливости ради следует отметить, что представленная автором иллюстративная часть – притом в двух её формально *различных* аспектах – сама по себе адекватна, но она отнюдь *не соответствует выдвинутым им тезисам*.

В качестве окончательного и бесповоротного *курьёза* в трактовке *предложения тождества* можно привести размышления по проблеме *В. А. Успенского* в статье «Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях» (1979 г.), помещённой в сборнике автора «Труды по нематематике».

«*Г. Фреге*, – цитируем, – начинает свою знаменитую статью «Sinn und Bedeutung» словами: «С понятием *тождества* связан ряд вопросов, ответить на которые совсем не просто». *Л. Витгенштейн* говорит об *отношении тождества* следующее: «...сказать о двух предметах, что они *тождественны*, бессмысленно, а сказать об одном предмете,

что он *тождествен самому себе*, значит ничего не сказать» (5.5301). *Фреге* приходит к выводу, что *тождество* не может быть отношением между вещами: «утверждая, что $a = b$, мы скорее имеем в виду, что знаки, или имена, **a** и **b** обозначают одно и то же; следовательно, речь идёт именно об этих знаках, то есть *отношением тождества* связаны именно знаки».

И далее следует фантастическое умозаключение самого *В. А. Успенского*: «Всё сказанное равносильно тому, что *имена* в контексте *предложения тождества* имеют *автономное* употребление. Иначе говоря, предложение $a = b$ можно трактовать как такое, в котором знак $=$ выражает отношение *тождества денотатов*, имеющее место между *автономно* употреблёнными, то есть *обозначающими самих себя*, именами **a** и **b**».

Ну что тут можно сказать? Сначала – после первого случая словоупотребления – просто подумалось, что автор не знает, что такое *автономное употребление* имени. Нет, оказалось, знает: *обозначение именем самого себя*. И тут уж просто сказать нечего.

Как это полагается и обычно, очевидный абсурд подкрепляется ещё одним крупнокалиберным авторитетом: «Согласно *Витгенштейну*, см. 4.241, назначение *предложения тождества* вида $a = b$ в логике состоит в утверждении возможности подставить знак **a** на место знака **b** без изменения истинности предложения; то есть, – продолжает настаивать *В. А. Успенский*, – опять-таки речь идёт о об *отношении между знаками*».

Имея в виду некоторые приведённые им примеры: «*Владелец этого особняка – ювелир Фужере*» и «*Участник нашего концерта – артист Георг Отс*» и т. п., автор выносит безапелляционный вердикт: «Теперь ясно, что (подобные) предложения ... нельзя трактовать как содержащие связку (быть может, нулевую), которая выражает *тождество*: в контексте *предиката тождества* (sic!) *имена* могут употребляться только *автономно*». – *Успенский В. А.* Труды по нематематике. – С приложением семиотических посланий *А. Н Колмогорова* к автору и его друзьям. – Т. 1–2. – М.: ОГИ, 2002. – 1401 с. – С. 463, 464.

В действительности же, конечно, всё обстоит как раз наоборот. По словам *Н. Д. Арутюновой*, которая в данном случае достаточно корректна, «сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соответствующему событию), а не к слову, его называющему. Отнесённость к действительности поэтому и принято считать основным свойством предикации». – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. 3.

Заодно приведём и ещё один фантастический тезис *В. А. Успенского*: «Чтобы между двумя именными группами возникло *предикативное отношение*, необходимо *неравенство* их *денотативных статусов*». – *Успенский В. А.* Труды по нематематике. – С. 465.

В действительности же, как это понятно каждому, но, конечно же, отнюдь не математику, *предикативное отношение* может возникнуть, напротив, лишь *при равенстве денотативных статусов* именных групп в биноминативном предложении: ведь, по *Фреге*, цитированному автором, они должны обозначать *одно и то же*. И это касается *всех* предложений, ибо все они в этом смысле выражают *отношение денотативного тождества* ИГ. Однако же при этом они могут различаться (но могут и не различаться: *Сократ есть Сократ*) *сигнификативными статусами*.

В данном контексте, – продолжим, возвращаясь к *телу Штейнтала*, – *Д. С. Милль*, который, запутавшись в *своей теории коннотации*, тоже несколько склонялся в направлении *редукции вещи* – в его терминологии – к *соозначаемому* её именем *свойству* и, как следствие, *интенциональной* трактовки предложений, в частности, писал так:

«Наиболее употребляемые из общих имён, которыми *обозначают предметы*, *соозначают* не один, а несколько *признаков предмета*, каждый из которых в отдельности так-

же объединяет некоторый класс и составляет значение некоторого общего имени. Поэтому—то мы и можем сказывать об имени, *соозначающем* совокупность целого ряда *признаков*, какое—нибудь другое имя, *соозначающее* лишь один из этих *признаков* или некоторую часть их. Во всех таких случаях общеутвердительные предложения будут истинными, так как всё, что обладает всей совокупностью данного ряда *признаков*, должно обладать и любой частью того же ряда. Предложение такого рода не может сообщить, однако, ничего нового тому, кто уже раньше знал полное значение входящих в предложение терминов. Предложения: «*всякий человек есть телесное существо*», «*всякий человек есть живое создание*», «*всякий человек разумен*» — не дают никаких сведений тому, кому уже известно полное значение слова *человек*, так как значение этого слова включает в себе все отмеченные в указанных предложениях *признаки*. И уже называя подлежащее этих предложений *человеком*, мы утверждаем, что этот *предмет* обладает всеми *признаками*, которые *соознаются* этими сказуемыми. Таким именно характером отличаются все предложения, получившие название *эссенциальных*. На самом деле это *тождественные*, или *тождесловные предложения*». — Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методом научного исследования. — Перевод с 10-го английского издания. — Под редакцией В. В. Ивановского. — М., 1889. — С. 84.

Ни о какой такой *интенциональной тождесловности*, то есть *тождесловности* при *интенциональной* трактовке суждения, — разве что лишь в случае *тавтологии* (*Сократ есть Сократ*), — говорить, конечно же, некорректно. Ведь, согласно и самому Миллю, здесь «*об имени, соозначающем совокупность целого ряда признаков*», сказывается «*имя, соозначающее лишь один из этих признаков или некоторую часть их*». Автор, видимо, запаматовал, что о *тождесловии* можно говорить только в *денотативном* аспекте: при истинности суждения *оба термина* — *S* и *P* — являются *именами одной и той же вещи* (*Гоббс*). Если же, однако, всё сводится к *признакам*, то видение *денотата* просто утрачивается. И возможной становится только *интенциональная* трактовка суждения. В контексте же последней единственно допустимо говорить лишь о *включении* того или иного *признака P* в некую неоднородную совокупность таковых *S*, входящих в состав *определения* их носителя.

И в другом месте Милль, естественно, пишет: «Если оставить в стороне утверждение реального существования, то предложения, в которых сказуемое *входит в состав* «сущности» подлежащего (то есть где сказуемое *соозначает* или всю совокупность, или часть *признаков* того, что *соозначает* подлежащее, и ничего кроме того), удовлетворяют только одной цели: такие предложения раскрывают всё или же часть *значения имени* для тех, кому это значение не было известно ранее. Таким образом, из *эссенциальных* предложений наиболее полезными, — строго говоря, единственно полезными — являются *определения*. При определении того или другого имени нет, однако, нужды высказывать всё его *соозначение*: достаточно высказать его лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы выделить обыкновенно *означаемые именем предметы* из всех других известных *предметов*. Иногда для этих цели может послужить и чисто случайное *свойство*, не входящее в *значение имени*». — Там же. — С. 85.

Милль хорошо начинал, обратившись к схоластической теории *соозначения, коннотации*. Однако он затем *ошибочно* отождествил *косвенный* по смысловому статусу *коннотат* (потому и *кон*—) с обыкновенным *интенционалом, значением имени*. И получилось то, что получилось. Но всё—таки ход его рассуждений в некоторой степени позволяет более адекватно подойти к оценке фантастических мыслительных конструкций цитированного выше *Штейнтала*.

Несколько слов относительно *сочетаемости* в речи членов предложения. В данном случае предложим вниманию читателей, ежели таковые вдруг объявятся, удивительные прозрения «бессмертного» королевского историографа, академика и постоянного секретаря Французской академии *Шарля Пино Дюкло*, извлечённые из его «Замечаний к Грамматике общей и рациональной Пор–Рояля». Последние представляют собой один из наиболее полных комментариев к труду мирских отшельников и друзей *Паскаля*, который в виде ремарок к каждой главе печатается, начиная с 1754 года, во всех изданиях его.

«Все законы синтаксиса, все типы связей между словами, – пишет *Ш. Дюкло*, – можно свести к двум: *отношению тождества* (la rapport d'identité) и *отношению детерминации* (la rapport de détermination). Каждое *прилагательное*, – продолжает он, демонстрируя, правда, неадекватное понимание семантики, в частности, *адъектива*, которое корректируется в контексте его дальнейших рассуждений, – будучи лишь выразителем *качества существительного*, и каждый *глагол*, будучи лишь выразителем способа бытия [*субстанции*], связаны с *существительным отношением тождества* ... ибо *прилагательное* и *глагол* являются не чем иным, как модификациями *субстанции*, или *существительного*, к которому они относятся».

Приведём один из весьма выразительных примеров, предложенных автором: «”Un bon roi aime le peuple” – “хороший король любит свой народ”. Un, bon, roi, aime, – декларирует он, – *являются представлениями одного и того же объекта*. Между всеми этими четырьмя словами существует *отношение тождества*. Таким образом, как бы ни разделялись во фразе *прилагательное с существительным*, к которому оно относится, как бы далеко не отстоял от своего *существительного глагол*, какие бы, наконец, ни допускались инверсии, подобные тем, которые позволяют греческий и латынь в оформлении фразы, рассудок наш всё равно объединяет по смыслу все слова, связанные *отношением тождества*». – Замечания члена Французской академии господина *Дюкло* к Грамматике общей и рациональной Пор–Рояля (извлечения). – [*Арно Антуан и Лансло Клод*.] Грамматика общая и рациональная Пор–Рояля, содержащая основы искусства речи, изложенные простым и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания о французском языке, написанная *Антуаном Арно* и *Клодом Лансло*. С приложением заметок академика *Шарля Дюкло* (на обложке и далее в ссылках: Грамматика общая и рациональная Пор–Рояля). – Перевод с французского, комментарии и послесловие д-ра филологических наук *Н. Ю. Бокадоровой*. – Общая редакция и вступительная статья члена–корреспондента АН СССР *Ю. С. Степанова*. – 2–е изд. – М.: «Прогресс», 1998 (1–е изд. – 1990). – С. 241–242.

Как видим, «бессмертный» *Шарль Пино Дюкло* в конечном итоге исправился сам, а заодно просветил и всех нас. Не касаясь в данном случае *глагола*, ещё раз отметим: «un, bon, roi ... *являются представлениями одного и того же объекта*. Между всеми этими ... словами существует *отношение тождества*». Даже *артикл*, как и каждое последующее слово, представляет *один и тот же объект!* Само собой разумеется, и *прилагательное* – тоже. Ведь это никакое там *ни качество*, никакой там *ни признак*, это – *окачествованный объект, объект, обладающий неким признаком*.

В послесловии «Традиции издания и комментирования *Грамматики Пор–Рояля*» *Н. Ю. Бокадорова* отметила: «В соответствии с достижениями «грамматической науки» в области синтаксиса *Дюкло* комментирует XXIV главу второй части (Грамматики Пор–Рояля). Он вслед за *дю Марсе* (1676–1756) считает необходимым свести все отношения слов во фразе к двум видам отношений – *отношениям тождества* и *отношениям детерминации*». – Там же. – С. 256.

Обратим внимание на тон тезиса: «*Дюкло ... вслед за *дю Марсе ... считает необходимым свести все отношения слов во фразе к двум видам отношений – отношениям тождества и отношениям детерминации**». *Считает необходимым!* *А необходимо ли это в действительности* – вот что должны были отметить и редактор книги и автор вступительной статьи, и автор послесловия. Но об этом ни слова. Ведь эти положения вряд ли вписываются в представления той «грамматической науки», которую они представляют. Как, собственно, и многое другое, соответствующее истине. И наоборот.

Некорректная трактовка *имени прилагательного* как *знака качества*, – подчеркнём кстати, – сбивала–таки *Дюкло* с верного пути. И далее он заметался: «Необходимо отметить, что *отношение тождества* объединяется с *отношением детерминации*, когда мы говорим *bon roi – хороший король*. *Bon* связано *отношением тождества* с *roi*, но вместе с тем *bon – хороший* и определяет *roi – короля*. Но слово *peuple – народ* связано со словом *roi – король* только *отношением детерминации*». – Там же. – С. 242.

Некогда *Лейбниц*, – вернёмся к императиву *недиспаратности S и P*, – в статье «Элементы исчисления», рассуждая о проблеме соотношения терминов в суждении и по интуиции корректно обращаясь со сказуемыми–*слиппами*, уже в самом конце неожиданно вдруг призадумался над тем, что в последнем случае вроде как бы нарушается принцип *родо–видовой субординации субъекта и предиката*. «Более того, здесь мы имеем *паралогизм*, – заметил он, – и вместе с тем рушится многое из того, что мы сказали до сих пор...».

Но продолжил уже не столь пессимистично: «...ибо я вижу, что частноутвердительное предложение имеет место даже тогда, когда ни тот, ни другой [термин] не есть ни род, ни вид, как в случае [предложения] «*Некоторое животное есть разумное*», лишь бы только эти *термины были сопоставимы*. Отсюда ясно, что нет никакой необходимости в том, чтобы субъект мог делиться на предикат или предикат на субъект. А на этом мы до сих пор строили многое. Следовательно, мы рассуждали более ограниченно, чем это требуется, а потому начнём рассуждение снова». – *Лейбниц*. Сочинения в четырёх томах. – Т. III. – М.: «Мысль», 1984. – С. 522. – На этом, к великому сожалению, рукопись прервалась...

Несколькими годами позднее – в статье «Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин» – автор радостно декларировал: «Теперь оставим в стороне все абстракции ... будем принимать ... всякий термин за полный, то есть за *существительное*, так что «*большой*» есть то же, что и «*большое существо*» ... подобно тому, как *носатый [человек]* называется «*носатый*». Итак, ... мы не нуждаемся в различении *прилагательного* и *существительного*, ... да и никакой в этом пользы нет, ... за исключением необходимости обозначить эмфазу». – Там же. – С. 572, 707.

⁹ *Лейбниц*. Сочинения в четырёх томах. – Т. III. – М.: «Мысль», 1984. – С. 71, 73.

¹⁰ С цитирования приведённых слов *Стагирита* начинается трактат *Фомы Аквината* «*О сущем и сущности*».

¹¹ *Новиков А.* Русские как тавтология. – «Русский журнал». – 12 февраля 1998 года.

¹² См.: Античные теории языка и стиля. – М. – Л., 1936 (2-е изд. – М., 1996); История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980; История лингвистических учений. Средневековый Восток. – [II]. – Л., 1981; История лингвистических учений. Средневековая Европа. – [III]. – Л., 1985; История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – [IV]. – СПб., 1991; *Степанов Ю. С.* Имена предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981; *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответствен-

ный редактор д-р филологических наук **В. П. Нерознак**. – М.: «Наука», 1985; Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998); Русский язык. Энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1997.

¹³ **Виноградов В. В.** Русский язык. – М., 1972. – Глава I: Введение в грамматическое учение о слове. – С. 9–45.

В качестве иллюстрации автором приводится фрагмент из книги **Жана Вандриеса** «Язык»: «Между ними (*существительными и прилагательными*) нет чёткой грамматической границы; их можно сводить в одну категорию – *кате́горию имени*. Продолжая этот отбор, мы приходим к тому, что существует только две части речи: *глагол* и *имя*. К ним сводятся все остальные части речи... *Имена и глаголы* – это живые элементы языка в противоположность грамматическим орудиям».

¹⁴ **Аристотель**. Категории: I, VIII. – **Аристотель**. Сочинения в четырёх томах. – Т. II. – М., 1981. – С. 53 и другие.

¹⁵ **Peirce Ch. S.** Upon logical comprehension and extension. – § 2. – P 34: Presented 13 November 1867. – **Online:** <http://www.iupui.edu/~peirce/web/writings>.

¹⁶ **Пирс Ч. С.** Элементы логики. Grammatica speculativa (фрагменты). – Семиотика. Антология. – Составление и общая редакция **Ю. С. Степанова**. – 2-е изд. – М.; Екатеринбург, 2001 (1-е изд. – 1983). – С. 198–199.

Полагая, что кому-то это всё-таки будет интересным, приведём дефиницию (или дескрипцию), сконструированную **Ч. Пирсом**: «**Деноминативная предикация: предикация**, в которой то, что предназначено по своей природе быть субъектом, берётся в качестве субъекта, а нечто, предназначенное по своей природе для предикцирования, берётся в качестве предиката; *сущности предикцируется здесь акцидентальное свойство*».

И как? Всем всё понятно? Однако это цитата.

Двинемся далее: «**Деноминативная предикация** в собственном смысле представляет собой предикацию **акцидентального конкретного термина**, который относится к её собственному субъекту; в широком смысле – это предикация какого-либо **конкретного признака**, принадлежащего суппозитуму или иному субъекту меньшей широты; в самом широком смысле – это **предикация любого предиката любому субъекту**. **Деноминативная предикация** может быть апостериорной или априорной, например: **homo est albus** – *человек есть белое*; **rationale est substantia** – *рассудочное есть субстанция*; **homo est animal** – *человек есть животное*».

Некоторые коррективы и примечания. В переводе, конечно же, вместо *суппозитума* должно быть просто *суппозит*, вместо *рассудочное* – *разумное*. Но главное заключается в следующем: **Ч. Пирс**, по всей вероятности, не совсем понимает, что такое **деноминативная предикация** и почему именно таково её именование.

А дело в следующем. В трактате «Категории» и у **Аристотеля** предикация подобного типа называется *привходящей*, то есть *акцидентальной*. И в данном случае имеется в виду предикцирование *слиппов* в отношении *субстанций*. Пример приведен выше: *человек есть белое*. Но *слиппы* в «Категориях» – хотя и не корректно – именуются *паронимами, отыменными*, то есть *производными от имён качеств*, современных *абстрактных существительных*, в латинской версии – *деноминативами*. И поэтому схема предикации с использованием *слиппов* комментатором «Категорий» **Бозцием** и была названа *деноминативной*. Именование по происхождению, как видим, не совсем корректное, но практически весьма удобное. При этом *последний римлянин* понимал, что *деноминативы* обозначают *объекты, обладающие соответствующими качествами*.

Ч. Пирс, по всей вероятности, ничего этого не знал. Он заимствовал из более поздних источников, в основном, видимо, из *Дунса Скота*, великого путаника. Об этом выразительно свидетельствует, в частности, приведённая выше его фантазмагорическая дефиниция (дескрипция). И потому в конечном итоге он расширил сферу *деноминативной предикации*, – теперь уже таковой лишь по названию, – до *предикации любого предиката любому субъекту*. Для чего же в таком случае нужно было и огород городить?

Но примеры у автора в некоторой части показательны. Даже последний: ведь *животное* – это натуральный *слипп*!

Не понимая подлинного смысла *слиппов*, **Ч. Пирс** постоянно твердит о *предикации* в данном случае *акцидентального свойства, акцидентального конкретного термина, конкретного признака*. И вдруг этот якобы *признак* оказывается в положении *субъекта* и обретает статус *субстанции*! Напомню пример: *разумное есть субстанция*. Но можно осуществить и *обращение* данного суждения: *некоторая субстанция есть разумное*. Можно вернуться и к исходному. Так что же, спросим: *разумное* – это *признак* или-таки *субстанция*?

И ещё один интересный момент: **Ч. Пирс** говорит о *конкретном* характере *слиппов*. В данном случае он воспроизводит первоначальное и традиционное *корректное* понимание, восходящее по крайней мере ещё к *Абеляру* и в последующем свойственное *Фоме Аквинату*, концептуально – *Оккаму, Гоббсу, Локку, Лейбницу, Д. С. Миллю*...

КОГДА Я УПОТРЕБЛЯЮ СЛОВО, – СКАЗАЛ *Хамти–Дампти (Шалтай–Болтай)* ПРЕЗРИТЕЛЬНО, – ОНО ЗНАЧИТ ТО, ЧТО Я ПРЕДПИСЫВАЮ ЕМУ ЗНАЧИТЬ – НИ БОЛЕЕ, НИ МЕНЕЕ.

ВОПРОС В ТОМ, – СКАЗАЛА *Алиса*, – МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАСТАВИТЬ СЛОВО ОБОЗНАЧАТЬ РАЗЛИЧНЫЕ ВЕЩИ.

ВОПРОС В ТОМ, – СКАЗАЛ *Хамти–Дампти*, – КТО КЕМ ДОЛЖЕН ПОВЕЛЕВАТЬ, ВОТ И ВСЁ.

Льис Кэрролл. АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В той же цитированной нами антологии «Семиотика» наряду с фрагментами из сочинений **Ч. Пирса** помещены также извлечения из опуса **К. И. Льюиса** (1883–1964) «*Модусы значения*». И здесь мы обретаем захватывающие дух откровения.

«Законы языка, – декларирует автор, – таковы, что определённые слова и словосочетания (например, *предикаты–прилагательные* типа *красный*), выступая в роли грамматического подлежащего, являются *абстрактными терминами*, но (они) могут быть также и *конкретными терминами*, выступая в роли предиката. Такие слова и словосочетания иногда называют *атрибутивными*. Но это в первую очередь лингвистическая классификация: указанные слова и словосочетания являются, строго говоря, не терминами, а лишь *неоднозначными символами, обладающими то одним, то другим значением*. Характеризовать их как *атрибутивные* целесообразно только тогда, когда требуется избежать каких-либо неточностей относительно различения *абстрактных* и *конкретных терминов*». – *Льюис К. И.* Модусы значения. – Семиотика. Антология. – Составление и общая редакция **Ю. С. Степанова**. – 2-е изд. – М.; Екатеринбург, 2001 (1-е изд. – 1983). – С. 230–231.

Согласно **К. И. Льюису**, «*абстрактные термины* – это такие термины, которые *называют* то, что ими *сигнифицируется*. Таким образом, *сигнификация* и *денотация абстрактных терминов* совпадают... *Неабстрактные термины, денотация* которых отлична от их *сигнификации*, называются *конкретными*». – Там же. – С. 230.

Полагаю, всем всё понятно? Если нет, то попробуем поискать смысл приведённых деклараций.

«*Термин*, – по словам автора, – это выражение, которое *называет (именует)* вещь или группу вещей того или иного рода, реальных или воображаемых, или приложимо к этим

вещам... Все термины обладают значением в смысле, или модусе *денотации*, или *экстенсии*... *Денотация термина* – это класс всех реальных, или существующих, *предметов*, к которым данный термин правильно приложим... Мы будем говорить, что термин *обозначает (сигнифицирует)* определённые *признаки* содержания и что любой *объект*, обладающий этими *признаками*, может быть правильно поименован посредством данного термина; те же *объекты*, которые не обладают такими *признаками*, не могут быть поименованы таким способом». – Там же. – С. 228, 230.

Как видим, *К. И. Льюис ошибочно* полагает, будто «термин *обозначает (сигнифицирует)* определённые *признаки* содержания...». Содержания чего? Допустим, *объекта*. И далее следует: «...любой *объект*, обладающий этими *признаками*, может быть правильно поименован посредством данного термина». Как видим, *сигнификат* термина – *признак (признаки)*, а *денотат* термина составляет уже *объект (объекты)*.

Следует отметить, что это достаточно распространённая, но отнюдь не корректная, по всей вероятности, послекарнаповская интенция в лингвистике и логике. Не углубляясь в самые дебри, приведём некоторые «правила», сформулированные в данном контексте *А. Чёрчем* для формального языка, однако применяемые и для описания языка естественного:

«**Правила смысла:** *кругл(ый)* выражает *свойство круглости*; ... «*данный мир кругл*» выражает пропозицию о том, что *данный мир кругл*.

Правила денотации: *кругл(ый)* обозначает *класс круглых предметов*; ... «*данный мир кругл*» обозначает истинность того, что *данный мир кругл*». – *Church A. The need for abstract entities in semantic analysis. – The structure of language. Readings in the philosophy of language. – Ed. by J. Fodor and J. Katz. – Englewood Cliffs, Prentice Hall Inc., 1964; цит. по: Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 217.*

В действительности же *конкретным термином* искони *обозначается (сигнифицируется)*, напротив, сам «*объект*, обладающий (некоторыми) *признаками*», который входит в представляемый данным термином *класс* и соответственно *именуется*. Сие справедливо даже и в том случае, если этот термин – *слипп*. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к *определению* любого *объекта*, которое традиционно состоит из *рода* и *видовых отличий* (последние обыкновенно выражаются к тому же *слиппами*).

К. И. Льюис же в контексте концептуальных веяний последних времён просто–напросто игнорирует в определении *род* и при этом опять–таки *ошибочно* полагает, якобы *видовые отличия* обозначают некие *признаки*. Но *слиппы* в функции *видовых отличий* обозначают *объекты* же, обладающие соответствующими *признаками*. В этом уже давно – почти тысячу лет тому назад – разобрались, по крайней мере, учитель *Абеляра* – *Вильям из Шампо*, сам *Абеляр*, затем *Фома Аквинат*, *Оккам*, *Гоббс*, *логики и грамматики Пор–Рояля* и т. д. и т. п.

Напомним пример из *Пирса: разумное – это субстанция*. А ведь *разумное* – это *видовое отличие* человека! В «Семиотике» данное суждение со стороны издателей никаких возражений отнюдь не вызвало. Как, собственно, и последние анализируемые тезисы. В результате же возникает коллизия: две из названных сторон противоречат одна другой, третья принимает за истину и то, и другое. Абсурд!

Ведь без всяких оговорок учёные мужи из Института языкознания подсовывают читателю в качестве новейших откровений очевидные нелепости. Имея в виду, в частности, *слиппы*, *К. И. Льюис* утверждает, будто «указанные слова и словосочетания являются, строго говоря, не терминами, а лишь *неоднозначными символами, обладающими то*

одним, то другим значением). Издатели, редакторы и комментаторы молчат, набравши в рот воды: ведь в известной степени такова и их собственная точка зрения. Однако пусть они попробуют на таком *символическом* языке побеседовать хотя бы со своими детьми. А вот *Шалтай–Болтай (Хамти–Дампти)*, своеобразный властелин словес, им в собеседники бы сгодился. *Алиса* же разобрала бы их по косточкам.

Редуцируя и выхолощивая *сигнификат*, *К. И. Льюис* реанимирует нелепость, разоблачённую, по крайней мере, ещё *Оккамом* в его заочном споре с *Вальтером Бурлеем*. Но там речь шла лишь о *конкретных слиппах*, здесь же о *конкретных терминах* вообще: «*Неабстрактные термины, денотация* которых отлична от их *сигнификации*, называются *конкретными*». Конечно же, пушкинский *дуб* у лукоморья как *денотат* термина «*дуб*» отличается от его *признаков*, мыслимых автором как *сигнификат*. Действительный же *сигнификат* термина «*дуб*» – (*некое*) *дерево, обладающее дубовыми признаками*. Все части символической дефиниции: *дуб, (некое) дерево* и (*нечто*) *обладающее дубовыми признаками* – *денотатные синонимы*, обозначающие *один и тот же объект* (*дуб* – это *гипоним* по отношению к *дереву*, *дерево* же – *гипероним* по отношению к *дубу*).

Что же касается первого тезиса *К. И. Льюиса*, то просто противопоставим ему достаточно корректную и выстраданную позицию *А. А. Потебни*. Правда, напомним, последний трактовал *прилагательные* ошибочно. Но и ошибки его поучительны, ибо он активно работал с языком, который неотвратимо подталкивал его к истине. Притом некоторые из своих заблуждений учёный честно идентифицировал и по возможности сразу же старался исправить.

После нескольких лет тягостных раздумий русский языковед писал: «Говоря раньше (в первых томах книги «Из записок по русской грамматике») о случаях «*бит небитого везёт*», я настаивал на том, что *подлежащее* и *дополнение* здесь не стали существительными, что они *прилагательные*... Теперь же я считаю [это] рассуждение ошибочным. *Подлежащее и дополнение могут быть только именами вещей, существительными*... Так в вр. поговорка «*Стар борозды не портит*», ... служащей ответом на замечание вроде «*стар да мал дважды глуп живёт*», первоначальный смысл есть ответ на более частное замечание вроде «*старому жениться чужа корысть*».

И несколько ниже: «Ошибочно моё сомнение ... в том, что *черное* в случаях «*шея у го-голя между плеч черная, а подле черного по обе стороны светлосерая*» (*Буслаев*) употреблено в смысле существительного. Это, однако, не «*отвлечённое*» выражение «*качества*» (*Буслаев*), а название *конкретной вещи*, точнее не определяемой». – *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – Т. III: Об изменении значения и заменах имени существительного. – М.: «Просвещение», 1968. – С. 48, 49.

Если бы *А. А. Потебня* сказал бы ещё проще: *Прилагательные – это исконные субстантивы и таковыми пребывают в любой синтаксической позиции*, – то он смог бы спасти род человеческий от множества заблуждений в языкознании, которые буквально как из ящика Пандоры обрушились на него в последующем. Этого он, к сожалению, не сказал. Но и над приведёнными его словами стоит призадуматься – первую очередь – издателям, редакторам и комментаторам *К. И. Льюиса* и вообще всей королевской и не королевской лингвистической рати. Ведь вещи обозначаются *конкретными именами–субстантивами*. Собственно, *не субстантивами имена – в том числе и слиппы – быть отнюдь не могут и таковыми не являются*. Ибо *этого не может быть никогда*, как сказал бы некий учёный сосед.

¹⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Предикация». – Автор *Ю. С. Степанов*. – С. 394.

¹⁸ См. *здесь*, прим. 12.

¹⁹ Истории лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980. – С. 220.

²⁰ По крайней мере, уже *Дионисий Фракийский в контексте общей именной категории* говорит о *прилагательном, эпитете*.

«*Имя*, – согласно определению *Дионисия*, – есть склоняемая часть речи, обозначающая *тело* или *вещь (бестелесную) (тело* – например: «камень», *вещь* – «воспитание»), и высказывается (оно) как *общее* и как *частное*; *общее* – например: «человек», *частное* – например: «Сократ» (*Dionysii Thracis. Ars grammatica*). – Античные теории языка и стиля. – М. – Л., 1936. – С. 118; цит. по: История лингвистических учений. Средневековый Восток. – [II]. – Л., 1981. – С. 25.

«Под термином «*имя*» *Фракиец* рассматривает главным образом *имена существительные*, а также *имена прилагательные, местоимения, числительные*. – История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980. – С. 218; см. также: История лингвистических учений. Средневековый Восток. – [I]. – Л., 1981. – С. 36.

Но, как отмечается исследователями, в контексте более детальной классификации подпадающих *под именную категорию* слов, «в основе которой лежат главным образом семантические и лексико–грамматические признаки», *Дионисий* «насчитывает» при этом ... «**24 вида имён**» (в отличие от *Аполлония Дискола* (II в. н. э.), у коего всего лишь «**21 вид**»). – История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980 – С. 217, 225.

В контексте отмеченных классификаций, подчеркнём, *виды*, то есть (*под*)*классы имён*, конечно же, являются *пересекающимися*.

«*Дионисий Фракийский*, полемизируя со стоиками, отказывается от резкого разделения *имён на собственные и общие (нарицательные, апеллятивы)* и рассматривает и те, и другие как *сущности*, пользуясь аристотелевским термином «*усия*»; *собственное имя* у него есть обозначение «*особой сущности*» («*идия усия*»), а *общее имя* – обозначение «*общей сущности*» («*койне усия*»), при этом первое прямо соответствует аристотелевской «*первой сущности*», а второе – «*второй сущности*» [*Каракулаков В. В.* К вопросу о принципах выделения частей речи у *Дионисия Фракийца*. – *Studii clasice*. – Bucureşti, 1964. – VI. – P. 329]». – *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 149.

В армянской грамматике *Клемента Галануса*, составленной в 1624 году, но опубликованной несколько позднее: *Galanus Clementus. Grammaticae et logicae institutiones linguae literalis armenicae*. – Romae, 1645, – как отмечается в аналитической статье *Г. Б. Джаукяна* «Языкознание в Армении в V–VIII вв.», получило отражение влияние идей именно *Дионисия Фракийского*. В статье, в частности, говорится: «В (армянской грамматике в) составе *имени* более чётко выделяются *имена существительные, прилагательные и числительные*, причём при делении *имён* на *существительные* и *прилагательные* *Галанус* исходит из их употребления в предложении: *существительное* выступает в предложении «само по себе», *прилагательное* же – нет». – История лингвистических учений. Средневековый Восток. – [II]. – Л., 1981. – С. 35–36.

²¹ История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980. – С. 232.

²² Там же. – С. 252.

²³ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 148:

«Что касается римских грамматиков, то самый большой успех в будущем был суждён грамматике *Доната*. В России она получила хождение с 1522 года в переводе *Дмитрия Толмача*. В Западной Европе она была в употреблении до начала XV века, в последний раз, если мы не ошибаемся, она была издана в Испании, и там её сменили уже новые, вполне современные для той поры грамматики – испанского языка *Небрихи* (1492) и латинского языка *Франсиско Санчеса* (1587)... В России, кроме того, и притом раньше распространились также грамматические компиляции по древнегреческим источникам, например, «*О восьми частях слова*» (XIV в.), и вследствие этого у нас создалась двойная грамматическая, а отчасти и логико–философская терминологическая традиция, что поддерживалось и особой ролью греческих текстов и терминов в православном богословии».

²⁴ *Оленич Р. М.* Прісціан і антична грамати́ка. – Львів, 1973. – С. 28.

²⁵ История лингвистических учений. Древний мир. – [I]. – Л., 1980. – С. 252.

²⁶ Там же; см. также *здесь*, прим. 8.

²⁷ *Spade P. V.* Thoughts, words and things: An introduction to late mediaeval logic and semantic theory. – 1996, July. – *Online*.

²⁸ Русский язык. Энциклопедия. – 2–е изд. – М., 1997. – Статья «Прилагательное».

²⁹ *Грошева А. В.* Грамматические учения западноевропейского Средневековья. – История лингвистических учений. Средневековая Европа. – [III]. – Л., 1985. – С. 231–232:

«В научной литературе, – по словам *А. В. Грошевой*, – распространено мнение о том, что разграничение имён на *существительные* и *прилагательные*, едва ли известное античным грамматистам, было осуществлено *Петром Гелийским* (*Petrus Helias, Helie, Helye* в «*Summa super Priscianum*»).

Это мнение исходит, по–видимому, от *Туро*: «Начиная с его (*Петра Гелия*) времени разделение имён на *существительные* и *прилагательные* стало общепринятым» [*Thurot. Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Âge. – В: Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale. – Paris, 1868. – Р. 165. – См., например, в «Очерках по истории лингвистики» Т. А. Омировой с соавторами (М., 1975): «В области формального языка к этому времени сделано было ещё мало, если, правда, не считать *выделения в воспринятой от античности нерасчлennой категории имени двух подкатегорий: подкатегории субстанциального свойства (существительное) и подкатегории акцидентального свойства (прилагательное)*»]. – С. 169.]*

Древние грамматики имели представление об этом разграничении, но, по–видимому, недостаточно ясное; во всяком случае в области терминологии это разграничение не нашло отражения.

Термин *nomen substantiale*, правда, встречается у одного грамматика IX века. В XI веке *Ансельм Кентерберийский* обсуждает вопрос, обозначает ли слово *grammaticus* *субстанцию* или *качество* (см. *здесь*, с. 243–287), но он не употребил ни разу термин *nomen substantivum* или его эквивалент.

Надо признать, что *Петр Гелийский* испытывал затруднение в разделении *имён* на *существительные* и *прилагательные* (*Thurot*, р. 166). Это своё утверждение *Туро* подкрепляет цитатой из комментария *Петра Гелийского*, на наш взгляд, противоречивой и не вполне ясной:

«Древние по сути дела обычно проводят это разделение, так как *всякое имя есть или существительное, или прилагательное*, говоря, что то *имя* является *существитель-*

ным, которое само по себе может находиться в какой-либо части предложения, а **прилагательное** – то, которое не может. Но это разделение не подкрепляется ничьим авторитетом. Кроме того, явно ложным является мнение, будто **прилагательное** не может ставиться самостоятельно в той же самой части предложения».

Кто были эти древние грамматик и на каких основаниях они делили **имена** на **существительные** и **прилагательные**, остаётся неясным.

[В прим. 63 читаем: ...*L. M. De Rijk* полагает, что в приведённом отрывке под **древними (antiqui) Пётр Гелий** имел в виду **Абеляра** и его школу (*Logica Modernorum*, v. 1, p. 17, n. 6). Такое предположение не исключается, поскольку термин *nomen substantivum*, как указывает и **Туро**, часто встречается у **Абеляра**. Однако **Хант** не раскрывает значения *antiqui* в указанном отрывке, относя «различение **существительных** и **прилагательных**, которое **Пётр Гелий** приписывает *antiqui*», к числу многих бесплодных попыток ранних глоссаторов **Присциана** разграничить логическое и грамматическое употребление терминов «**субстанция**» и «**качество**»...]

Отсутствие примеров мешает понять и другое утверждение комментатора (то есть **Петра Гелия**. – А. Ю.) о том, что **прилагательное** может занимать те же позиции в предложении, что и **существительное**.

Не в состоянии разрешить эти противоречия, **Туро** заканчивает рассмотрение этого вопроса так: «Достоверно одно: сам **Пётр Гелий** часто употребляет термин *nomen substantivum*» (*Thurot*, p. 166).

Возможно, издание трудов средневековых грамматиков и их научное изучение, – включает современный автор, – позволит в будущем прояснить решение ими кардинальных грамматических вопросов».

Весьма странно, что **А. В. Грошева** требует от самого **Петра Гелия** примеров того, что «**прилагательное** может занимать те же позиции в предложении, что и **существительное**». Ведь достаточно было лишь открыть любой текст, даже современный, чтобы убедиться в совершенной и бесспорной правоте средневекового комментатора **Присциана**.

Отвергнутая **Петром Гелием** интенция, которая полагалась в основание деления единого **класса имён** на **имена существительные** и **имена прилагательные**, обрела, однако, едва ли не вечное существование. В частности, она получила запечатление в армянской грамматике **Клемента Галануса**, составленной в 1624 г., но опубликованной несколько позднее: *Galanus Clementus. Grammaticae et logicae institutiones linguae literalis armenicae*. – Romae, 1645. В последней нашло отражение влияние идей **Дионисия Фракийского**.

В аналитической статье **Г. Б. Джаукяна** «Языкознание в Армении в V–VIII вв.», в частности, читаем: «В (армянской грамматике в) составе **имени** более чётко выделяются **имена существительные, прилагательные и числительные**, причём при делении **имён** на **существительные** и **прилагательные** **Галанус** исходит из их употребления в предложении: **существительное** выступает в предложении «само по себе», **прилагательное** же – нет». – История лингвистических учений. Средневековый Восток. – [II]. – Л., 1981. – С. 35–36; см. также *здесь*, прим. 20.

Аналогичную аргументацию можно встретить и в наши дни. В частности, в учебном пособии **Г. В. Степановой** и **А. Н. Шрамма** «Введение в семасиологию русского языка» (Калининград: Издательство КГУ, 1980) говорится: «**Прилагательное** не способно к иному функционированию в речи, кроме как в сочетании с **существительным**». Однако же при этом подчёркивается, что **адъективы** «наиболее приспособлены ... к выполнению предикативной функции», то есть самостоятельно функционируют в речи по крайней мере как **предикаты**. Авторам, полагаем, не мешало бы проконсультироваться по вопросу с **Петром Гелием**.

³⁰ *Амирова Т. А. с соавторами.* Очерки по истории лингвистики. – М., 1975. – С. 169: «В области формального языка к этому времени (то есть времени *Петра Гелия*. – А. Ю.) сделано было ещё мало, если, правда, не считать *выделения в воспринятой от античности нерасчленённой категории имени двух подкатегорий: подкатегории субстанциального свойства (существительное) и подкатегории акцидентального свойства (прилагательное)*».

³¹ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 103–106.

По словам *Ю. С. Степанова*, «языковая философия *Бенедикта Спинозы* (1632–1677) предстала теперь достаточно полно благодаря открытию заново его «Очерка грамматики еврейского языка» («Compendium grammatices linguae hebraeae»), то есть грамматики классического еврейского, в частности – языка библейских текстов. Впервые очерк был опубликован в 1677 г. в посмертном собрании сочинении философа. Но, написанный по-латыни, с массой древнееврейских примеров и терминов и к тому же неоконченный, он оставался в существе своём непрочитанным. Положение изменилось, когда в 1968 г. (то есть спустя почти триста лет) очерк был переведен на французский язык и издан с комментариями [*Spinoza. Abrégé de grammaire hébraïque. Introduction, trad. française et notes par J. Askénazi et J. Askénazi-Gerson.* – Paris: J. Vrin, 1968]». – Указ. соч. – С. 103.

³² Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Имя». – С. 175.

³³ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 103.

³⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Части речи». – С. 578.

Здесь же читаем: «В типологической перспективе оказывается сомнительной правильность выделения в качестве отдельных частей речи *местоимений* и *числительных* (для большинства языков), так как принципы выделения этих классов отличаются от принципа выделения других частей речи. Слова этих классов обычно разнородны по своим синтаксическим функциям и примыкают с этой точки зрения к различным классам слов (см.: *Местоимение, Числительное*). Поэтому их часто рассматривают как подклассы внутри других частей речи (ср.: *существительные–числительные* «три», «четыре»; *прилагательные–числительные* «первый», «второй»);

В статье «*Числительное*», посвящённой анализу такового *имени* (в школе ведь по-прежнему мы говорим об «*имени числительном*»!), читаем: «В одних языках *числительные* обладают специфическим набором грамматических свойств, позволяющим вычленять их как особую часть речи; например, в русском языке особую часть речи составляют количественные и собирательные *числительные*. В других языках по грамматическим свойствам *числительные* относятся к различным частям речи – *существительным, прилагательным, местоимениям, наречиям*... В 20 веке ведутся споры о статусе *числительного* как части речи, разрешение которых зависит, с одной стороны, от принципов выделения частей речи, а с другой – от наличия и степени изученности грамматической специфики *числительного* в тех или иных языках». – ЛЭС. – С. 583.

В статье «*Местоимение*» говорится следующее: «Европейская грамматическая традиция, восходящая к античности, рассматривает *местоимение* как одну из частей речи;

эта трактовка *местоимения* сохраняется в описательных грамматиках. Однако в некоторых грамматических теориях 20-го века *местоимения* считаются грамматически неоднородными и распределяются по частям речи в соответствии со своими главными синтаксическими функциями. В этом случае *местоимения–существительные* и *местоимения–прилагательные* включаются в состав более широкого семантического класса местоименных элементов, объём которого определяется исследователями по-разному». – ЛЭС. – С. 295.

См. по вопросу также *здесь*, прим. 6, 13 и другие.

³⁵ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 105.

³⁶ Там же.

³⁷ *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. Учебное пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. – СПб.: Научный центр диалога, 1996. – 760 с.

³⁸ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 148.

³⁹ См. выше и прим. 23.

⁴⁰ Ср. *здесь*, прим. 6 и 20.

⁴¹ *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. – 4-е изд. – М., 1967. – С. 323.

⁴² Там же. – С. 58.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. – С. 323.

Термин «*предметность*» («*отвлечённая предметность*»), отметим, в данном случае абсолютно некорректен. Это, как раз, и есть *знак* и *имя определённого качества*. И под него отнюдь не могут «*подходить*» и (тем более) «*вещи*», и «*желания*», и «*чувства*»... И даже «*опредмеченное качество*», «*опредмеченное действие*» и т. д. Другое дело, что в мышлении мы *опредмечиваем, субстанциализуем* все вербально означенные *понятия* – в том числе и *абстрагированных от реальных субстанций* – фрагментов действительности, то есть мыслим их *как предметы*, то есть *предметно, как субстанции*, то есть *субстанциально* (*А. Тренденбург, Е. К. Войшвилло*). И данные *мысленные* (или *мыслительные*) *конструкты* могут быть названы опять-таки *мысленными предметами* или *мысленными субстанциями*. Мы можем сказать, что «*качество*» мыслится нами *как предмет*, но отнюдь не *как предметность*. И тем более недопустимо говорить, будто «*качество*» и тем более «*вещь*» «*подходят*» под «*предметность*». Ведь «*вещь*» соотносится вообще с иным родом, иной категорией, «*качество*» же, напротив, является более общим понятием по отношению к «*предметности*». Посему как раз «*предметность*» и «*подходит*» под «*качество*», а не наоборот. Так что в данном случае требуется определённая коррекция.

К сожалению, термин «*предметность*» – по крайней мере в российской лингвистике – стал если и не общепринятым, то широко распространённым и проник даже в энциклопедические статьи. Лингвистический энциклопедический словарь, в котором *прилагательное* отнюдь *не корректно* трактуется как *знак качества*, применительно-таки лишь только к *несомненным, общепринятым, утверждённым и сургушной печатью скреп-*

ленным *субстантивам*, в частности, говорит «об общем значении *предметности* у *существительных* как части речи, распространяя эту семантическую характеристику и на *существительные*, обозначающие *качество, действие, состояние* и т. д. («*краснота*» рассматривается как *абстрактный предмет особого рода*)». – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Части речи». – С. 578.

⁴⁵ *Милль Д. С.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методом научного исследования. – Перевод с 10-го английского издания. – Под редакцией *В. В. Ивановского*. – М., 1889. – С. 16–17, 19, 20–21.

⁴⁶ *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – С. 133.

⁴⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Имя». – Автор *Ю. С. Степанов*. – С. 175 и другие; см. также: *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 115.

⁴⁸ *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 147.

Автор, продолжая, заключил свою мысль следующим тезисом: «Но ещё схоласты употребляют в этом значении (то есть в значении *adiectivum*. – А. Ю.) термин *appellativum*».

Однако термином *appellativa*, то есть *нарицательные*, в схоластике обозначались (да и в современной лингвистике на Западе тоже обозначаются) – в отличие от *имён собственных* – *все имена общие*, в том числе, безусловно, – как *общие* – и *имена прилагательные*. Именно в таком смысле термин встречается, в частности, у *Присциана*. – См. *здесь*, с. 7.

⁴⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 (2-е изд. – 1998). – Статья «Имя». – Автор *Ю. С. Степанов*. – С. 175 и другие; см. также: *Степанов Ю. С.* В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Ответственный редактор д-р филологических наук *В. П. Нерознак*. – М.: «Наука», 1985. – С. 13 и далее.

«Проблема заключается в том, – приведём субтильные апологетические размышления *Ю. С. Степанова* из другого опуса, – что с некоторой точки зрения *предикаты вообще не именуют*, ... или, во всяком случае, глагол «*именовать*» – если говорить, что предикаты «*именуют*», – употребляется в слишком широком и расплывчатом смысле; другими словами, понятие «*именовать*» (и равным образом «*называть*», «*обозначать*») оказывается слишком приблизительным и грубым для обозначения всех семиологических отношений, обычно подводимых под него...». – *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. – М.: «Наука», 1981. – С. 114; см. с. 90.

В качестве примера *reductio ad absurdum* подобного некорректного самого по себе тезиса приведём фрагмент из одной из статей *В. А. Успенского*, обретающихся в составе двухтомного сборника автора «Труды по нематематике». Излагая смысл предложенного им уточнения некоего «содержательного критерия (он же семантический или логический) различения *подлежащего* и *сказуемого* в двусоставном предложении», якобы «после которого он может, как правило, давать однозначный ответ», *В. А. Успенский*, в частности, пишет: «...семантическое различие между *подлежащим* и *сказуемым* состоит – в ясных случаях – в том, что *подлежащее* действительно *обозначает* (*предмет* или *признак*), а *сказуемое* *ничего само по себе не обозначает* (в том смысле слова «*обозначать*», который выражает отношение между *именем* и его *денотатом*); оно лишь *приписывает признак* тому *объекту*, который *обозначен подлежащим* (выявление это-

го тонкого различия принадлежит *Фреге*). Так, – следуют иллюстрации, – во фразе: *Задумчивость – её подруга* – слово *задумчивость* обозначает *признак*, но слово *задумчива* во фразе: *Она задумчива – ничего не обозначает*: это *предикат*». – *Успенский В. А.* Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях (1979 г.). – Труды по нематематике. – С приложением семиотических посланий *А. Н. Колмогорова* к автору и его друзьям. – Т. 1–2. – М.: ОГИ, 2002. – 1401 с. – С. 456.

«*Предикаты (же) вообще не именуют*», – напомним тезис, выдвинутый ранее *Ю. С. Степановым*. При этом, как видим, всё опять упёрлось в *слиппы*! Однако нашим мудрецам следовало бы знать, что в истинном *биноминативном* предложении *предикат*, в том числе – и выраженный *слиппом*, с безусловностью *именует субъект*, вернее же сказать – *денотат субъекта*, который в результате становится и его *денотатом*. Ведь такое предложение представляет собой *элементарный акт именованья*.

По словам *Гоббса*, «*истинным* является такое предложение, *предикат* которого содержит в себе *субъект* или является *именем той же вещи, что и субъект*. Например, ... предложение *некий человек болен* истинно, если слово *болен* применимо к кому-то. Предложение, которое не истинно, то есть предложение, *предикат* которого не содержит *субъекта*, называется ложным. Например: *человек есть камень*». – *Гоббс Т.* Сочинения в двух томах. – Т. I. – М.: «Мысль», 1989. – С. 96–97.

Для полноты картины и в назидание мудрствующим лукаво приведём из *Гоббса* дефиницию стандартного субъект–предикатного *предложения S есть P*: «*Предложение* есть словесное выражение, состоящее из *двух соединённых связкою имён*, посредством которого говорящий хочет выразить, что он *относит второе имя к той же самой вещи*, которая обозначается первым, или (что то же самое) *что первое имя содержится во втором*. Например, выражение *человек есть живое существо (животное)*, в котором *два имени* соединены связкой *есть*, образует предложение, ибо говорящий считает, как слово *человек*, так и слово *живое существо (животное)* *именами одной и той же вещи* или полагает, что *первое имя содержится в последующем имени – живое существо (животное)*». – Там же. – С. 93.

Необходимо, отметим, иметь в виду, что выражение *живое существо*, которое употреблено в переводном фрагменте, представляет собой экспликативную передачу термина в оригинале *animal, животное*, что отражено соответствующим разъяснением (в скобках). Это сделано для того, чтобы напомнить, что *предикат* здесь выражен *слиппом*.

Несколько ниже *Гоббсом* анализируется другое предложение с предикатом, выраженным бесспорным *слиппом*, то есть словом в форме – в данном случае – *причастия*: *человек есть гуляющий*. Последнее, – по словам автора, – естественно «указывает, что *оба имени* понимаются как связанные друг с другом или как *имена одной и той же вещи*». – Там же.

⁵⁰ *Котарбиньский Т.* Избранные произведения. – М., 1963. – С. 518.